C 239

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

Т. III.

Памятникъ А. С. Пушкину
въ Москвѣ

Литографія Малюкова въ Москвѣ

Литографія Малюкова въ Москвѣ

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

Съ приложеніемъ снимка съ памятника, воздвигнутаго поэту въ Москвѣ въ 1880 г.

ИЗДАНІЕ ОСЬМОЕ,

исправленное и дополненное, подъ редакціей

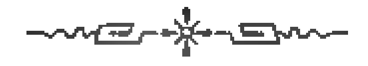
П. А. ЕФРЕМОВА.

Томъ III.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1831—1836 ГОДОВЪ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ. СКАЗКИ. ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ. РУСАЛКА. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ. АНДЖЕЛО.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Ѳ. И. АНСКАГО.
1882.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, въ Москвѣ,
на Арбатѣ, домъ Карнинской.

1822—1831.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.
К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ;
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ;
Его примѣръ другимъ наука:
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,

Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.[1]

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя;
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

[1] Писано въ Бессарабіи.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ dandy лондонскій одѣтъ:[2]
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
[Судей рѣшительныхъ и строгихъ],
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданыхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,

[2] Dandy—франтъ.

Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Өеокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,

Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.[3]

IX.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,

---

[3] Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ: Ex ponto, онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томи, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ; а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла: «Alterius facti culpa silenda mihi». [Примѣчаніе 1-го изданія].

Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слёзой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

. . . .
. . . .
. . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно —
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,[4]
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится;
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon[5] помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
Вошелъ — и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,

---

[4] Шляпа à la Bolivar.
[5] Извѣстный ресторатор.

И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать entrechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ

На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»[6]

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони;
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,

[6] Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо [замѣчу мимоходомъ]
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:[7]

---

[7] Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau [Confessions de J. J. Rousseau]. — Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкой.

Защитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй Каверинъ, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.[8]

---

[8] Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи. [За этимъ слѣдуетъ обширная выписка изъ похвальной рѣчи Екатеринѣ II, Карамзина].—Примѣчаніе I-го изданія.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ,
Не то... не то, избави Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ,
Люблю ихъ ножки — только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.*

---

* Въ I-мъ изданіи этотъ стихъ читался: «Онѣ смущаютъ сердце мнѣ,» и сдѣлано было примѣчаніе: «Непростительный галлицизмъ.—Соч.»

XXXI.

Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцовъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,

Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,

Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васисдасъ.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется заполдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой,
И сыпать острыя слова,

Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

. . . .
. . . .

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,

Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ. [9]

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;

---

[9] Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Людовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностью и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившею г-жу Сталь. [См. Dix ans d'éxil].

На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной таѳтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней —
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,

И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,[10]
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя піитъ.[11]
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,

[10] Читатели помнятъ прелестное описаніе петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича: «Вотъ ночь, но не меркнутъ златистыя полосы облакъ» и пр. [выписано 27 стиховъ].

[11] Въявь богиню благосклонну
Зритъ восторженный піитъ,
Что проводитъ ночь безсонну,
Опершися на гранитъ. [Муравьевъ. Богинѣ Невы].

Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ,[12] жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,

---

[12] Писано въ Одессѣ.

Подъ небомъ Африки моей,[18]
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ....

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;

---

[18] Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8-мъ году своего возраста, былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся. — 18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ императора. Въ царствованіи Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Елизаветы, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ генералъ-аншефа, на 92 г. отъ рожденія. — Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала извѣстна только по семейнымъ преданіямъ. — Сынъ его генералъ-лейтенантъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка [умеръ 1800 г.]. Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію. — [Примѣчаніе 1-го изданія, а во 2-мъ изданіи 1833 г. оставлено только: «Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго»].

Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство, предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя присмерти въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
[И тѣмъ я началъ мой романъ];
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,

И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій — роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятясь невиннымъ
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,

Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
Ты посвятилъ ея напѣвъ!

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградилъ
Твое задумчивое пѣнье?
Кого твой стихъ боготворилъ?»
И, други, никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку риѳмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ;
Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покамѣстъ моего романа

Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ своихъ отдамъ:
Иди же къ невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань:
Кривые толки, шумъ и брань![14]

[28 мая 1822 г.—22 октября 1823.
Кишиневъ. Одесса].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus.
Hor.
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,

---

[14] Всѣ пропуски въ семъ сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ. — [Примѣчаніе къ 1-й главѣ 1-го изданія].

Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный зáмокъ былъ построенъ,
Какъ зáмки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Царей портреты на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
И рабъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги —
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
Иль нѣтъ-съ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,

И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

VII.

От хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,

И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ.

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гёте,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,

Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной!
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда.
Войдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она [Богъ мой!]:
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...»[13]

[13] Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди [первый каюсь я]
Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но [правилъ нѣтъ безъ исключеній]
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,

И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья

И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ.
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ;

Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы,
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой·
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя,
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ.... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна....[16]

[16] Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

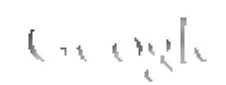
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины,
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
[Не говоримъ ужъ о стихахъ];
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы

Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію—закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,

И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; [17]
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по-неволѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ

---

[17] Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Ей нравился гораздо болѣ —
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она.[18]

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,

---

[18] Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. [Шатобріанъ].

Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины.
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
«Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.»

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ

Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick!»[19] молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его очаковской медалью!
Онъ Ольгу прочилъ за меня,
Онъ говорилъ: дождусь ли дня...»
И полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной...
Увы, на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ,
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,

---

19 Бѣдный Іорикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. [См. Шекспира и Стерна].

И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить;
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

1823, 8 декабря. Одесса].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.
Malfilatre

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.
«Я не держу тебя; но гдѣ ты

Свои проводишь вечера?»
— У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —
Простая, русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ....»

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу.
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу.... «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій; да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и риемъ et cetera?
Представь меня.» — Ты шутишь. «Нѣту.»
— Я радъ. «Когда же?» — Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.

III.

«Поѣдемъ.»
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,

На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.[20]
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну, что жъ, Онѣгинъ? Ты зѣваешь.
«Привычка, Ленскій.» — Но скучаешь
Ты какъ-то больше. «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.»

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— А что? «Я выбралъ бы другую,

[20] Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто домой летятъ, было ошибкою напечатано зимой летятъ [что не имѣло никакого смысла]. Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. — Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,

Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандисонъ,[21]

---

[21] Юлія Вольмаръ — новая Элоиза. Малекъ-Адель — герой посредственнаго романа M-e Cottin. Густавъ де-Линаръ — герой прелестной повѣсти баронессы Крюднеръ.

Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ вамъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ.[23]
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства;
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

[23] Вампиръ — повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ — геніальное произведеніе Матюрина. Jean Sbogar — извѣстный романъ Карла Нодье.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,

И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой? «Мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло.... «Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня

Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня....
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь.... «Я не больна;
Я.... знаешь, няня.... влюблена.»
— Дитя мое, Господь съ тобою!
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена.»
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой.

Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко́ носилась
Татьяна, смо́тря на луну́....
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости». И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна́.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо́ гото́во, сложено́....
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима́;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижи́мыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.[23]
Внушать любовь для нихъ бѣда,

---

[23] Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate. Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ;
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣе Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно;
Татьяна любитъ не шутя,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
Итакъ писала по-французски....
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!

Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ![21]
Я шлюсь на васъ, мои поэты!
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ пріучитъ насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я.... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей

---

[21] Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей-ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Пировъ» и грусти томной,[23]
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? Приди — свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ....
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.

---

[23] Е. А. Баратынскій.

Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

«Я вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы.... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья

Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ [какъ знать?],
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.
«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ....
То воля неба — я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой....
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно.... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?

Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю....
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечесть....
Стыдомъ и страхомъ замираю....
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю....»

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой,
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье....»
— Изволь, родная, прикажи.
«Не думай.... право.... подозрѣнье....
Но видишь.... Ахъ! не откажи.»
— Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.
«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому....
Къ сосѣду.... да велѣть ему,
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня....»
— Кому же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть:
Куда мнѣ ихъ и перечесть.

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
— Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;

А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли....
«Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.» — Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я....
Да что жъ ты снова поблѣднѣла?
«Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
«Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна вспыхнувъ, задрожала.
— Сегодня быть онъ обѣщалъ,
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
Да видно почта задержала. —
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,

И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ.... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты, сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала....
«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!
О Боже! что подумалъ онъ!»
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранитъ надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
И ждетъ нейдетъ ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
[Наказъ, основанный на томъ,

Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!].

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы красавицы,
Душеньки подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье;
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,

И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею — прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія нежданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

[1824 Одесса. Михайловское].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.[26]

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ

---

[26] Четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ съ посвященіемъ П. А. Плетневу. [Оно выписано въ изданіи 1833 г., а въ настоящемъ помѣщено во 2-мъ томѣ, подъ 1828 годомъ, къ которому относится].

Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,

Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ

Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошёлъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочёлъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной излiянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте [совѣсть въ томъ порукой],
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать — ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ, и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
[Судьбу однако жъ проклиная],
Всегда нахмуренъ. молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата

И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова, но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій.
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
[Какъ говорится, машинально]
Татьяна молча оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего.

Враги его, друзья его
[Что, можетъ быть, одно и то же]
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значатъ именно родные.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,

Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ наша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!...
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,

Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги одобренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
[Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ]
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далеко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занятъ Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,

Или на лирѣ голубка,
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же. послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь.
Qu'écrirez-vous sur ces tablettes?
И подпись. t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любитъ болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какой нибудь піитъ армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякій мой усердный вздоръ,

Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро иль нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риѳмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой,
И нашей братьѣ риѳмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать,
И все одно и то же квакать,
Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
Довольно — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь.
Не такъ ли, другъ? — Ни чуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
Какъ было встарь заведено...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ риѳмачей? —
«Но все въ элегіи ничтожно;
Пустая цѣль ея жалка;
Межъ тѣмъ цѣль оды высока
И благородна...» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,

Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья! Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ.... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или [но это кромѣ шутокъ],
Тоской и риѳмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.* XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:

* Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи:
Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ....
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,

Его вседневныя занятья
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался. . . . . .
. . . .

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,

Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риѳмами, какъ я,
Кто бьетъ хлопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

Забывъ и городъ, и друзей,
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Карикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва[27]

[27] Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвчонками!

Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
[Читатель ждетъ ужъ риѳмы — розы:
На, вотъ возьми ее скорѣй!]
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;[28]
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
Не хочешь? Повѣряй расходъ.
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой какъ пройдетъ, и завтра то жъ,
И славно зиму проведешь.

[28] «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на879 конькахъ». Справедливо.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ разсчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей;
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной;[29]
Оно своей игрой и пѣной
[Подобіемъ того-сего]
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья:
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало;
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

---

[29] Въ лѣта красныя мои
Поэтическій аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч. [Посланіе къ Л. П.]

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я бордо благоразумной
Ужъ нынѣче предпочелъ ему.
Къ аи я больше неспособенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой....
Но ты, бордо, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла....
[Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я].
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— Налей еще мнѣ полстакана....

Довольно, милый.... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ.... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду....»
— И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
Ну, что жъ? «Согласенъ.» — Какъ ты милъ!—
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ.
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда

Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена....[30]
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ.... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

[1825. Январь—августъ. Михайловское].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;

---

[30] Августъ Лафонтенъ — авторъ множества семейственныхъ романовъ.

Зимы ждала-ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно....

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго не много тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ

Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ:[31]
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой![32]

IV.

Татьяна [русская душою,
Сама не зная почему]
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,

---

31 См. «Первый снѣгъ», стихотвореніе князя Вяземскаго.

32 См. описанія финляндской зимы въ «Эдѣ» Баратынскаго.

Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,

Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленый глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты;
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.[33]

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:

---

[33] «Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать» — предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

«Какъ ваше имя?»[24] Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ....
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть....
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

---

[24] Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна, ахъ! а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный;
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый поколѣно ей;

То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь примолвилъ: «здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко!»
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щёлку,

И что же! видитъ.... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ![25]
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется: всѣ хохочутъ;

[25] Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, молвь и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.» [Сказка о Бовѣ Королевичѣ]. Хлопъ употребляется въ просторѣчіи вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шипѣнія. «Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.» [Древнія русскія стихотворенія]. — Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

Нахмуритъ брови: всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь....
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать —
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать —
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ[34]

---

[34] Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

Татьяну въ уголъ, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ;
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче; вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій. Страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался.... хижина шатнулась....
И Таня въ ужасѣ проснулась....
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
«Ну, говоритъ: скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,

Ни даже Дамскихъ Модъ журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека,[27]
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной «Мальвиной»
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани.... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ,
И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній

[27] Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою[28]
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,

---

[28] Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою — и проч.

Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ[29]
[Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ],
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ.... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!

---

[29] Буяновъ мой сосѣдъ . . . .
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....
[Опасный Сосѣдъ].

Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.[40]
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ — и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежъ. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И утренней луны блѣднѣй,
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть,

[40] Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгеній:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Карикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
[Къ несчастію, пересоленой];
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, кристаллъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіялъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронутъ былъ,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли,
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутыя стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:

Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ камельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII.* XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,

---

* Обѣ эти строфы были помѣщены въ первомъ изданіи:

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;

Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ Истоминой моей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня [присягну] милѣй
Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Парисъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать;
Извольте далѣе читать:
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

XL.

Въ началѣ моего романа
[Смотрите первую тетрадь]
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спустя минуты двѣ, потомъ.
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало
Когда гремѣлъ мазурки громъ,

Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ россіянъ.

XLIII.* XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой

* Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ:

Подковы, шпоры Пѣтушкова
[Канцеляриста отставнаго]
Стучатъ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!

Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла....
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снесть удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

1825—1826. Михайловское].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.
Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.

Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелятъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичей. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосьё Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объяты сномъ.
Одна печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожитъ
Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ....
«Погибну, Таня говоритъ:
Но гибель отъ него любезна.

Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лицо насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери[41]
Въ долгъ осушать бутылки три.

---

[41] Парижскій ресторатор̌ъ.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изподтишка,
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой разсчетливо смолчать,
Порой разсчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ;
Sed alia tempora! Удалость
[Какъ сонъ любви, другая шалость]
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,

Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ ни мало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
Короткій вызовъ иль картель:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ; но Евгеній
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.

А во вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло....
Къ тому жъ — онъ мыслитъ — въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ....
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ....»
И вотъ общественное мнѣнье![42]
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,

[42] Стихъ Грибоѣдова.

Уловку выдумавъ и грудь
Отворивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляшку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напослѣдокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Оленька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна. весела,
Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!...
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,

Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ, и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгеній
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онегинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно:
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: «не правда ль? я счастливъ.»
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ:
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Дельвигъ пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
Я ихъ имѣю, вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,

Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ;
Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня; но ты
Придешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
Сердечный другъ, желанный другъ,
Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
[Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?]
И наконецъ передъ зарею,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ идеалъ

Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будитъ Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать. седьмой ужъ часъ!
Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгеній
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Весперъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вьется; но постель
Еще Евгеній не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга, французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ,
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговыя.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ

Лепажа[48] стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
[Что похвалить мы въ немъ должны].

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній;
«Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое;
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный.»
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
«Что жъ, начинать?» — Начнемъ, пожалуй,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и честный малый
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

---

[48] Славный ружейный мастеръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно....
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага

Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ.... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его.... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,

Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,

Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жъ? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,

Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья, въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ [какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей]
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ остановляетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись — и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслитъ: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,

Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риѳму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гоѣ, вѣчная къ ней риѳма, младость?
Ужель и вправду, наконецъ,
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,

Весна моихъ промчалась дней
[Что я шутя твердилъ доселѣ]?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
Ва всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился.... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,*

* Во 2-мъ изданіи послѣ этого было опущено 14 стиховъ и строфа заканчивалась двумя послѣдними XLVII-й. Въ примѣчаніяхъ Пушкинъ

Среди бездушныхъ гордецовъ
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованыхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

(1826. Михайловское).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?
Баратынскій.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?
Гдѣ насъ нѣтъ.
Грибоѣдовъ

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга

однако привелъ полный текстъ обѣихъ строфъ, сдѣлавъ предварительно замѣтку: «Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ».

Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной

Мы увяданья нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина птенцы,[44]
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгеній мой,

---

[44] Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ....
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ:
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ.... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,

Пастухъ по прежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали не вѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить;
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли пѣвецъ унылой
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летой усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
Такъ равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все прощаясь суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ....
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,

И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ.... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ.... на что грустить?...

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла.... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ.
Едва дыша: кругомъ обводитъ

Недоумѣнья полный взоръ....
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку поутру читалъ....
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,

Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ;
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два, три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.

Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ о ней идетъ бесѣда.

«Какъ быть? Татьяна не дитя,»
Старушка молвила крехтя.
«Вѣдь Олинька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
Нейду. И все грустить она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена ль она? «Въ кого же?
Буяновъ сватался — отказъ.
Ивану Пѣтушкову тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.
«Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— Довольно для одной зимы;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы.

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась, и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды.
И запоздалый складъ рѣчей!

Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ,
И умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва пышно убрана....
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
Приходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный — три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ;

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;

Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форейторъ бородатой.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
Прости, пріютъ уединенный!
Увижу ль васъ?..» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ [по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ] дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,[45]
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;

[45] Дороги наши — садъ для глазъ, и пр. [выписано 20 стиховъ].
Станція. Князь Вяземскій.

Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Для виду прейскурантъ виситъ,
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы.
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ. [46]
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ —
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми

[46] Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К... разсказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій за̀мокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій за̀мокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ-другой и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!»—Pachette! «Алина!»
— Кто бъ могъ подумать? «Какъ давно!»
— Надолго ль? «Милая! кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа....
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
Какъ будто брежу я во снѣ....
Кузина, помнишь Грандисона?
«Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»

— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ.... но послѣ все разскажемъ,
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть....
Охъ, силы нѣтъ.... устала грудь....
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть.... душа моя,
Ужъ никуда негодна я....
Подъ старость жизнь такая гадость....
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день —
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала!
«А я такъ за уши драла.»
— А я такъ пряникомъ кормила!
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагеи Николавны
Все тотъ же другъ, мосьё Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣстъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы

Сначала молча озирают
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ на распѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго призпанья
Умильно требутъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;

Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетень и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И прислонившись у дверей,
Элегію готовитъ ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ;
И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
[Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое],

Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющія хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ,
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни на-лѣво поскорѣй.»
— На-лѣво? гдѣ? что тамъ такое?
«Ну, что бы ни было, гляди....
Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое....
Вотъ отошелъ.... вотъ бокомъ сталъ?...
— Кто? толстый этотъ генералъ?...

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,

И всторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
«Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.»
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

[1827—1829 Москва. Михайловское.
Петербургъ, Малинники].

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.
Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ;
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она за мной

Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій раутъ привожу;[47]
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.

---

[47] Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значитъ толпа.

Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что? сплинъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
«Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?

Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ....»
— Знакомъ онъ вамъ? «И да и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что̀ пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ — важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,

О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ!

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей! —

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно [согласитесь въ томъ]
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже «Демономъ» моимъ.
Онѣгинъ [вновь займуся имъ],
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
[Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ].
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному —
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ....
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ.
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй....
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut.... N. N.! прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;

Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
И носъ и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести,
Оно бъ годилось въ эпиграмѣ....
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгеній:
«Ужель она? Но точно.... Нѣтъ....
Какъ? изъ глуши степныхъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно,
На ту, чей видъ напомнилъ смутно

Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.
«Да кто жъ она?» — Жена моя.

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.
«На комъ?» — На Лариной. «Татьянѣ?»
— Ты ей знакомъ? «Я имъ сосѣдъ.»
— О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна....
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,

И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ....
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружу, все на волѣ,
Та дѣвочка.... иль это сонъ?...
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ — ему приносятъ
Письмо: князь N. покорно проситъ
Его на вечеръ. «Боже!.. къ ней!...
О! буду, буду!» — и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ страшномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца,
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ,
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва-едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ. Она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ:
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
И не пугалъ ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,

Вездѣ встрѣчаемыя лицы,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXVI.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-Priest, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной

Стоялъ картинкою журнальной —
Румянъ какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залетной,
Перекрахмаленный нахалъ,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной;
Не этой дѣвочкой неемѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай;
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,

Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно грустить,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгеній
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пенямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ;
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ [ихъ полъ таковъ];
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.

Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? Съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть.... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.

И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье.
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видитъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена

Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыя хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ....

XXXIV.

Да можетъ быть боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной....
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ....
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ —
И въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,

А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда —
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ о н а.... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бъ одолжилъ!
А точно: силой магнитизма
Стиховъ россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: Benedetta
Иль Idol mio, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима.
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ,
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ

Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше — никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна
Сидитъ неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей....
О чемъ теперь ея мечтанье?
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:

«Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь.... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой....

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась.... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ

Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу.... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте, колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость
Хоть уваженіе къ лѣтамъ....
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта —
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей....

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю [къ чему лукавить?],
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ внезапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ
Надолго.... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ [не правда ли?] пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой

Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ....
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ

Татьяны милый идеалъ....
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

[1830—1831. Петербургъ,
Болдино. Ц. Село].

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНѢГИНА.

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ [впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ]. Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя проситъ;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ [коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ] замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ — замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но

рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ:

. . . . передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вины европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ — спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ.

Тоска!...

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога,
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ.
Вдали — кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка — злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи,
И мыслитъ, грустью отуманенъ·
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду:

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный

И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,

На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...*
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ, и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.

---

* Въ черновомъ оригиналѣ приписано:

. . . . я жилъ поэтомъ —
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ.

Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелой,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ бишь мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чего бъ вы думали? — воды!
Потребны тяжкіе труды...
Что жъ? это не большое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,

Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданыхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? Пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ;[48]
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи

[48] Извѣстный ресторатоpъ въ Одессѣ.

Струя и брызги золотые....
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

А только ль тамъ очарованій?
А розыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ....
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ
Зѣвнетъ — и снова захрапитъ.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ;
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ....

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ....

[1827—1829. Москва. Павл. Болдино].

СТРОФЫ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ПОЭМУ.[1]

I. Женщины.[2]

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Инаго я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ, и слезы лилъ,
Со тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,

---

[1] Къ четыремъ «отрывкамъ», не вошедшимъ въ текстъ романа напечатаннымъ въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, мы присоединяемъ только двѣ строфы, найденныя впослѣдствіи окончательно отдѣланными [къ XVII и XVIII строфамъ 2-й главы]; все же неоконченное и набросанное на черно — отнесено къ примѣчаніямъ.

[2] Къ I—VI строфамъ четвертой главы.

Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей....
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Какъ сонъ забыты мной давно,
Но есть одна межъ ихъ толпою....
Я долго былъ плѣненъ одною....
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... Зачѣмъ
Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,

Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!

II. Къ строфѣ X, главы 3.

Увы, друзья! мелькаютъ годы —
И съ ними вслѣдъ одна другой,
Мелькаютъ вѣтреныя моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилося въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франтъ и ростовщикъ
Носили пудреный парикъ;
Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты;
Бывало, храбрый генералъ
Служилъ — и грамотѣ не зналъ.

III. Къ строфѣ XXIV, главы 3.

О вы, которыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча дозволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови —

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтреной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрека!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змія —
Совѣтую вамъ тоже я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы —
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

IV. Къ строфѣ XVII, главы 2.

Страсть къ банку!... Ни любовь свободы,
Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ:
На лѣво ль выпадетъ валетъ?
Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все также, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.

Ужъ я не тотъ — и хладнокровнѣй
Ввѣряюсь вѣтреной мечтѣ:
Не ставлю грозно карты темной,
Замѣтя тайное руте;
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ,

«Атанде» — слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ;
Отъ риѳмы тоже я отвыкъ.
Что буду дѣлать? — Между нами,
Всѣмъ этимъ утомился я,
На-дняхъ попробую, друзья,
Заняться бѣлыми стихами....

V. АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
Замкнутъ серебрянымъ замкомъ,
Онъ былъ исписанъ, изрисованъ
Рукой Онѣгина кругомъ.
Среди безсвязнаго маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена,
И думы тайной письмена.

1.

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

2.

Боитесь вы графини — овой
Сказала имъ Элиза К.
Да, возразилъ N. N. суровый,
Боимся мы графини — овой;
Какъ вы боитесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напримѣръ: «Предъ каждымъ сномъ
Молись; бѣги путей лукавыхъ,
Чти правду, и не спорь съ глупцомъ.»

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ;
Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтреный и пылкій нравъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
R. C. какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньи
Какая нѣга и душа!

6.

Вечоръ сказала мнѣ R. C.
— Давно желала я васъ видѣть.
«Зачѣмъ?» — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
«За что?» — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье

Ко всѣмъ. Однако жъ это вздоръ
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры? —

7.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними ль звуками піитъ?
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . .
. . . .
Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскій геликонъ!

8.

Морозъ и солнце: чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою;
Сидятъ — напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи б — овъ.

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
R. С. летѣла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пенямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нея поймать успѣлъ;
Я черныхъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи;
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
Онъ важенъ; краситъ волоса,
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

1831.

—

КРАСАВИЦА.

[въ альбомъ н. н. гончаровой].

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

ЭХО.

[изъ томаса мура].

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

*

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой своей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись — и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою;
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ....

За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля? —
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 августа 1831 года. Село Царское.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!...
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ

Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!...»
Сбылось—и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи;

Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ,
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? — Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,

Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу,
Младаго внука своего.*

5 сентября 1831 года.

19 ОКТЯБРЯ 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,

* Посылая это стихотвореніе А. О. Россети, Пушкинъ написалъ ей:

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня....

Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній. *

---

* Въ рукописи стихотвореніе имѣло еще заключительную строфу:

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я,

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю —
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкой,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять —
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

СКАЗКА

О ЦАРѢ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ, будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,

Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха».

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ — себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.

А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья.»

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ;
До пьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ

И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И ростетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?

Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ.
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой завострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ
Вотъ и слышитъ будто стонъ....
Видно на морѣ не тихо;
Смотритъ — видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ....
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ....
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;

Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ —
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня.
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.»

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились на тощакъ. —
Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И, за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей

И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... «То ли будетъ?
Говоритъ онъ, вижу я:
Лебедь тѣшится моя.»
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ,
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ островy
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый, златоглавой
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,

Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окiяну,
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ. —
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальной;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца. —
Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ.»
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,

И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,

Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубовъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право,»
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ.
«Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.»
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,

Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка —
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.—
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;

Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что жъ? Подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь—дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье тоже. —
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости:
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:

Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ

Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель ростетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгій счетъ орѣхамъ весть;

Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь.
Правду ль, нѣтъ ли говоришь,
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,

Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла
«Ай!» и тутъ же окривѣла:
Всѣ кричатъ: «лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
— Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,

Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежеденно

Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблекъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,

Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говоритъ:

«Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.»
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...»
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!... А шмель въ окошко,

Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу.
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?» Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это?
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —

Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ, обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,

Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви.»
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ.»
Князь недолго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ.
Кораблю пристать велятъ,
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости.
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,

По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.—
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,

Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель ростетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя жёнка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,

Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя.
«Нынче жъ ѣду!»—Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,

Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты.
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ—торопливо
Смотрятъ—что жъ? Княгиня-диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ....

Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? Что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся....
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

СКАЗКА

О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ попъ
Толоконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ не зная куда.
Говоритъ попу: что рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Попъ ему въ отвѣтъ:
«Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.

А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говоритъ:
«Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно
Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
Ѣсть же мнѣ давай вареную полбу.»
Призадумался попъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розь —
Да понадѣялся на русскій авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: «ладно;
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье.»
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣстъ за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До-свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
Попёнокъ зоветъ его тятей;
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей;
Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Попъ не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ попадьѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,

На всякія хитрости повадливъ.
Попадья говоритъ: «знаю средство,
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь,
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь въ точь;
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь.»
Стало на̀ сердцѣ у попа веселѣе:
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ: «поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай: платить обязались черти.
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти
Лучшаго бъ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ попомъ понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ,
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить. —
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока,
Вотъ ужо будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука.»
Балда мыслитъ: «этого провесть не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,

Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичекъ;
Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть — возьми; да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впредъ не было никому горя:
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво:
«Что это ты выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшаго брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ;
У моря бѣсенка находитъ.
Держитъ Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
Со мною тягаться слабенекъ —
Это было бъ лишь времени трата,
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
Пустились бѣсенокъ и зайка:
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши;
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладитъ.

Глядь — а Балда братца гладитъ,
Приговаривая: «братецъ мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.»
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди», говоритъ, «схожу за оброкомъ.»
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: «бѣда!
Обогналъ меня меньшой Балда!»
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно мужичекъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай: видишь ты палку эту!
Выбери себѣ любую мѣту —
Кто далѣе палку броситъ,
Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку. —
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумитъ,
Да чертямъ веревкой грозитъ.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «что ты хлопочешь,
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь....»
— Нѣтъ, говоритъ Балда,
Теперь моя череда —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,

Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: «глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ.»
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ разсказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, покрякиваетъ,
А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка —
Прыгнулъ попъ до потолка,
Со втораго щелчка —
Лишился попъ языка,
А съ третьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся бы ты, попъ, за дешевизной!...»

13 сентября [1831].

1832.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, віясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ —
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

19 января 1832.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТИ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный —
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писало прямо на бѣло.

16 марта 1832.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ — семья вздрогнула.
Младой еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ...

ЮДИѲЬ.

[отрывокъ].

Когда владыка ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олоѳернъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ —

Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ.... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота.
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился....

АЛЬФОНСЪ.

[начало поэмы].

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
«Синьоръ, послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека;
Останьтесь здѣсь, готовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть, покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь.»
— Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ и ночью: былъ бы путь;

Тотъ отвѣчаетъ. Неприлично
Бояться мнѣ чего нибудь.
Я дворянинъ: ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я. —
И Донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ;
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
Какую жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ....

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На испанскіе брега —
Царство готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѳы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напослѣдокъ утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ наземь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

От полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ — а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
Встань — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король....

РОМАНСЪ.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему....*

* Въ спискахъ послѣ этой строфы постоянно помѣщается слѣдующая, не находящаяся однако въ подлинной рукописи:

Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста,
На пути, Марію-Дѣву,
Матерь Господа Христа.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко да́мъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Но Пречистая, конечно,
Заступившись за него,
Водворила въ царство вѣчно
Паладина своего.

I.

И далѣ мы пошли — и страхъ объялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ,

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

«О, если бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ —
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ....

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра —
И разлегалася надъ темною равниной,

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало.— и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ.

. . . .

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасѣ много грома,

Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

1832.

КНЯЖНѢ А. Д. АБАМЕЛЕКЪ.

[впослѣдствіи баратынской].

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли. съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ;
Всегда въ немъ грустно я живу —
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

27 октября 1832 г.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ
. . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября 1832 года.

РУСАЛКА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище; она —
Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы

Осталися ни съ чѣмъ.... Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

ДОЧЬ.

Почему же
Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

МЕЛЬНИКЪ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,
Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
А?... всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
Сталъ пріѣзжать — и вотъ девятый день,
Какъ не видали мы его. Что скажешь?

ДОЧЬ.

Онъ занятъ; мало ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

МЕЛЬНИКЪ.

Да, вѣрь ему! Когда князья трудятся?
И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да обирать сосѣдей,
Да подговарить васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко!
А за меня вода!... А мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ если бъ ты у князя

Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

ДОЧЬ.

Ахъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что такое?

ДОЧЬ.

Чу? Я слышу топотъ
Его коня.... Онъ! онъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Смотри же дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни....

ДОЧЬ.

Вотъ онъ, вотъ онъ!
[Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня].

КНЯЗЬ.

Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Милостивый князь,
Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. [Уходитъ].

ДОЧЬ.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?

То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня....
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

КНЯЗЬ.

По прежнему, мой ангелъ,
Нѣтъ, больше прежняго.

ОНА.

Однако ты
Печаленъ; что съ тобою?

КНЯЗЬ.

Я печаленъ?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.

ОНА.

Нѣтъ,
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ?
И ожидала ли тебя такъ рано?...
А нынче — слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердитъ ли на меня?

КНЯЗЬ.

Я не хочу притворствовать напрасно,
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь

Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

ОНА.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы — не правда ли моя голубка? —
Мы были счастливы! По крайней мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

ОНА.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можетъ быть....

КНЯЗЬ.

Ты угадала:
Разлука намъ судьбою суждена.

ОНА.

Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
Идти вослѣдъ я всюду не властна?
Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
Тебѣ служить дорогою, въ походѣ

Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
Лишь видѣла бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь....

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну; я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

ОНА.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? [Князь молчитъ]. Ты женишься?

КНЯЗЬ.

Что дѣлать
Сама ты разсуди. Князья не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой....
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ — отдай ему.
[Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ].
Прощай!

ОНА.

Постой, тебѣ сказать должна я —
Не помню что.

КНЯЗЬ.

Припомни.

ОНА.

Для тебя
Я все готова.... Нѣтъ не то.... Постой....
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть.... Все не то....
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

КНЯЗЬ.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
[Уходя]. Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. [Уходитъ. Она остается неподвижною].

МЕЛЬНИКЪ. [входитъ].

Не угодно ль будетъ
Пожаловать на мель.... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!...
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги ль?...
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданой одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

ДОЧЬ.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила....
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

МЕЛЬНИКЪ.

О комъ ты говоришь?

ДОЧЬ.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ тобою?

ДОЧЬ.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бъ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ нею?

ДОЧЬ.

Видишь ли — князья не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ.... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,
И до зари за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ прощай:

Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!

МЕЛЬНИКЪ.

Вотъ въ чемъ дѣло!...

ДОЧЬ.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ....

МЕЛЬНИКЪ.

Дура!
Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то!
Не говорилъ ли я тебѣ...

ДОЧЬ.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! [Отдаетъ ему мѣшокъ].

МЕЛЬНИКЪ [въ слезахъ].

До чего я дожилъ!

Чтò Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

ДОЧЬ.

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ....
Змѣею подколодной онъ меня —
Не жемчугомъ опуталъ.... [Рветъ съ себя жемчугъ].

Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

МЕЛЬНИКЪ.

Ты бредишь, право бредишь.

ДОЧЬ [снимаетъ съ себя повязку].

Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
[Бросаетъ повязку въ Днѣпръ].

Теперь все кончено.... [Бросается въ рѣку]

СТАРИКЪ [падая].

Охъ, горе, горе!

12 [или 27] апрѣля 1832 года.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

СВАТЪ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любови да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися.
Вереѣ молилися:
Верея ль, верeюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

СВАТЪ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата. [Даритъ дѣвушекъ].

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красная дѣвица утопилась;
Утопая, милова друга проклинала?

СВАТЪ.

Красавицы! да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я;
Не я, не мы....

СВАТЪ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?
[Шопотъ и смятеніе между дѣвушками].

КНЯЗЬ.

Я знаю кто.
[Встаетъ изъ за стола и говоритъ тихо конюшему].
Вѣдь мельничиха здѣсь:
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить?
[Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ].

КНЯЗЬ [про себя].

Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шуму,

Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться?

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ее.

КНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай да медъ!
И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ.
Жаль, горекъ: подсластить его бъ не худо....

[Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ].

КНЯЗЬ.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

КНЯЗЬ.

Дуракъ.

ДРУЖКО [вставая].

Не время ль намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?

[Всѣ встаютъ].

СВАХА.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.

[Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню].

СВАХА.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

[Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка].

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.

СВАХА [наливаетъ ему чарку].

На, кушай, на здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,
Все хорошо: одно нехорошо....

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочно ли дѣло
Мутить нарочно княжескую свадьбу! *

---

* Въ рукописи эта сцена продолжалась такъ: [Слышенъ крикъ].
Ба! это что? Да это голосъ князя....
[Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату].
Ты видѣла?

СВАХА.

Да, видѣла.

КНЯЗЬ [вбѣгаетъ].

Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вотъ слѣдъ ея—съ нея вода течетъ.

ДРУЖКО.

Юродивая, можетъ статься. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, знать, окатили.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ И МАМКА.

КНЯГИНЯ.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ;

КНЯЗЬ.

Ступай, прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ее? [Уходитъ].

ДРУЖКО.

Ей-Богу, это странно.
Кто тамъ? [Входятъ слуги]. Зачѣмъ пустили эту дѣвку?

СЛУГА.

Какую?

ДРУЖКО.

Мокрую.

СЛУГА.

Мы мокрыхъ дѣвокъ
Не видѣли.

ДРУЖКО.

Куда жъ она дѣвалась?

СЛУГА.

Не вѣдаемъ.

СВАХА.

Охъ, сердце замираетъ.
Нѣтъ это не къ добру.

ДРУЖКО.

Ступайте вонъ,
Да никого, смотрите, не впускайте.
Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
Прощай, кума!

СВАХА.

Охъ, сердце не на мѣстѣ.
Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

Женился онъ — и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудитъ,
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится — чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

МАМКА.

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь!
А женщина — что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ — ужъ онъ не насидится,
Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
Женился — и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ;
Туда, сюда — а дома не сидится.

КНЯГИНЯ.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Зазнобы тайной?

МАМКА.

Полно, не грѣши.
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

КНЯГИНЯ.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать....

А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что жъ его не видно?

[Входитъ ловчій].

Что князь, гдѣ онъ?

ЛОВЧІЙ.

Князь приказалъ домой
Отъѣхать намъ.

КНЯГИНЯ.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ЛОВЧІЙ.

Остался
Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

КНЯГИНЯ.

И князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите
Сказать ему, что я прислала васъ!

[Ловчій уходитъ].

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ — долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМКА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!....

Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.*

ОДНА.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.**

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

[Прячутся].

* Въ рукописи было еще добавлено:
Слушать ухомъ ненасытнымъ
Шумы разные земли....

** Варіантъ въ рукописи:
Тише, тише, подъ кустами
Что-то дрогнуло во мглѣ.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила....
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы.
Вотъ мельница.... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась — она заглохла....
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она
Обнявъ меня, поникла и умолкла....
Возможно ли?.... [Идетъ къ дверямъ; листья сыплются].
Что это значитъ? Листья,
Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.

[Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой]

СТАРИКЪ.

Здорово,
Здорово, зять!

КНЯЗЬ.

Кто ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній воронъ.

КНЯЗЬ.

Возможно ль? Это мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.

КНЯЗЬ.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

КНЯЗЬ.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

КНЯЗЬ.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда [ты помнишь?] бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры

То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

КНЯЗЬ.

Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотритъ?

СТАРИКЪ.

Да, за мною
Присматривать нехудо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

КНЯЗЬ.

Кто?

СТАРИКЪ.

Внучка.

КНЯЗЬ.

Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, или звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

СТАРИКЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
[Уходитъ].

КНЯЗЬ.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы — смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный

Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана — не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ....
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

ЛОВЧІЙ.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала;
Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ.

Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
[Уходитъ. Русалки показываются надъ водой].

РУСАЛКИ.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.*

---

* Въ рукописи варіантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ:

Поздно. Рощи потемнѣли,
Холодѣетъ глубина,
Пѣтухи въ селѣ пропѣли,
Закатилася луна.

ОДНА.

Подождемъ еще, сестрица.

ДРУГАЯ.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра. [Скрываются].

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ЦАРИЦЫ.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ.
[Входитъ Русалочка].
Гдѣ ты была?

ДОЧЬ.

На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечоръ меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Прійдетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

ДОЧЬ.

О! поняла.

РУСАЛКА.

Ступай же. [Одна]. Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеньи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!...
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться....

[Русалочка выходитъ на берегъ].

Что я вижу!

Откуда ты прелестное дитя?

. . . .

1832—1833.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine. Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безъискусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ, а какой-то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ. С. А. Соболевскій, по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris, 18 Janvier, 1835

Je croyais, monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir, que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe, que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur local dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une hitoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands, que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à

Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille», comme dit Rabelais, nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demendai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au defi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'ecrivais une ballade. Il en résulta un petit volume, que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources, où j'ai puisé cette couleur local tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir [il en savait peut-être autant que moi]. J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: Dei costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étaient répétés avec l'interprêtation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis, qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle, que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est: «Sto sebieli u gorje zelenoi». Fortis a tradui: «Che mai biancheggia nel verde Bosco.» Nodier a traduit Bosco, par plaine verdoyante; c'était mal tomber, car on me dit, que gorje veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mais excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrappé, и проч.

I. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ.[1]

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — королю лишь не спится:
Короля султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-градѣ,
Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ....
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

[1] Ѳома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку[2] ему досягаетъ....

Горе! въ церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы.[3]
На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ на-голо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
[Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца],
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой.[4]

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,

---

[2] Щиколодка, по московскому нарѣчію щиколка.
[3] Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники.
[4] Фаланга, палочные удары по пятамъ.

Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.»[5]
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ.
И сказалъ: «дать кафтанъ Радивою![6]
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»
Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,[7]
И пошли бусурмане на приступъ.

---

[5] Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

[6] Кафтанъ, обыкновенный подарокъ султановъ.

[7] Анахронизмъ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,[3]
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе Беи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ ужаленный зміею.

---

[3] Трогательный обычай братованія, у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ, освящается духовными обрядами.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «на дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонёчекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, жонка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

III. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.[9]

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «возьмите насъ съ собою:[10]
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.[11]
Беглербей со своими бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки;[12]
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою,
И разскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали

[9] Неизвѣстно къ какому происшествію относится эта пѣсня.

[10] Потеря сраженія приписывается далматамъ, ненавистнымъ для влаховъ.

[11] Жиды въ турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походитъ на участь летучей рыбы. Мериме.

[12] Баналука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка.

Тѣсной кучей мы переправляться,
Селихтаръ[13] съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «дѣти,
Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
Намъ управиться съ ними невозможно.
Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
И спасайся тамъ отъ селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою,
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою,
«Ты, садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

IV. ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . .

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба, отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу:
Какъ ему погубить бы Елену?

[13] Селихтаръ, меченосецъ.

Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
Отыщи подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ каменьями жабу,[14]
И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
[Грѣхъ великъ христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!].
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее — ея жъ кровью напоили:
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!

---

[14] Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Өеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ:
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Өеодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата;
Испортили меня злые люди.»

Но Өеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ.
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что жъ? — На мѣсто милаго дитяти,

Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Өеодоръ: «горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену по напрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Өеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жида убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.[15]

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротишься въ шитомъ доломанѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,

[15] Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу: здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ?
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка.
Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ.[16]
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына.
Имъ нельзя изъ пещеры выдти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,

[16] Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался.
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,
Станемъ мы выходить изъ могилы,
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»[17]
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

[17] Западные славяне вѣрятъ существованію у п ы р е й [vampire]. См. пѣсню о М а р к ѣ Я к у б о в и ч ѣ

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ.

Іакинѳа Магдановича.[19]

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдетесь какъ нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

[19] Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей Guzla, извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинѳѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе славянина-поэта. [Приведена выписка въ французскомъ подлинникѣ, безъ перевода].

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

VIII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое.»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:

«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу калуеръ приходитъ—
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зубъ вурдалака, повѣрь мнѣ.»[19]

Вся деревня за старцемъ калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ — трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,

---

19 Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.

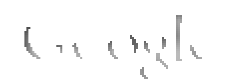
Калуеръ могильною землею [20]
Ребенка больнаго всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись;
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился, -
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

---

[20] Лекарствомъ отъ укушенія упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

Въ третій день вошелъ карликъ малый --
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

IX. БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаются жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

. . . .
. . . .

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ — смятеніе!... Глядятъ.

У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый броситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

X. СОЛОВЕЙ.

[Изъ Вука Стефановича].

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;

У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки;
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

—

XI. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.*

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога:
Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
Аль о двухъ головахъ ты родился?

* Георгій Черный или Карагеоргій былъ вождемъ сербовъ съ 1804 по 1813 г. Онъ родился между 1750 - 1760 г. и убитъ измѣннически въ 1817 г.

Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися,
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозится.
«Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись.
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,

И заснулъ на бѣлградской дорогѣ.»[21]
Догадалась она, завопила.
«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

XII. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.*

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ;
«Долго ль намъ мирволить янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи!
Или вы ужъ не сербы — цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье —
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ.»

[21] По другому преданію Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

* Правитель Сербіи съ 1813 по 1839 г.

XIII. ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.

Горе! малый я не сильный:
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XIV. СЕСТРА И БРАТЬЯ.[22]

(Изъ Вука Стефановича).

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выростали,

[22] Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня вороного,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:

Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку.
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло

Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молода Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ея къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди ты меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ тернье да крапива,

Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

XV. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.[23]

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогой.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица

[23] Пѣсня о Янышѣ королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и то не всю.

Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студёною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студёную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
Науздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица?

Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленой берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.

Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

—

XVI. КОНЬ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?

Отвѣчаетъ конь печальный:
Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и въ холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и ноетъ
Что на мѣсто чапрака,

Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.*

---

* Въ рукописяхъ поэта сохранилось еще начало слѣдующей пѣсни:

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы:
Былъ бы снѣгъ — онъ давно бъ расталъ,
Были бъ лебеди — они бъ улетѣли:
То не снѣгъ и не лебеди бѣли,
А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и мать:
Его люба не пришла, застыдилася.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ:
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ....
. . . .

1833.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I. [изъ леѳнея].

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Ватала онъ, молодаго красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

1 января 1833 г.

II. [изъ ксенофана колофонскаго].

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студёной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но вначалѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

12 января 1833 г.

III. ВИНО.

[іонъ хіосскій].

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

СТРАННИКЪ.

[ИЗЪ БУНЬЯНА].

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ воплях изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ. мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебной
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,

И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я тоже,
Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — уныньемъ изнывая,
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замысливш҄ій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;

Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата....

26 іюня 1833.

* * *

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

---

* * *

[олениной].

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,

Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ....

1833. Дорога. Сентябрь.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!

«Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой....
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

«Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши....»
— А чѣмъ же? разскажи служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

«Ну слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ: моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

«Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

«Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусинька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
[А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря].

«И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;

Тамъ съ печки сткляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ — и вижу: стклянка.

«Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ стклянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лаханкой.

«Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю

«Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ....
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! — Но я, не струся:

«Домой? Да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

«Коня! — На, дурень, вотъ и конь. —
И точно: конь передо мною
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.»

1833.

СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи.
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,

Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ.
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!...
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣтъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.

Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
Гдѣ красавица-дѣвица?»
— Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
Отвѣчаетъ ей она;
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!

Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался:
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися.
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать

Отпросилась на кровать
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,

Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говоритъ:
Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста,
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ поклонясь:
Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ.» — Я не сержуся,
Тихо молвила она,
И отказъ мой не вина. —
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,

Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ я, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...»
Ты призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,

Ей кричитъ она въ окошко;
Пригрожу сама я псу,
И кой что тебѣ свесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.» Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выспался онъ худо,
Ей царевна говоритъ;
На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,

Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!

Братья молвили; печали
Не минуемъ.» Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.

Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, спору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — Свѣтъ ты мой,
Красно солнце отвѣчало:
Я царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.

Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.

Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — Братецъ мой,
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала. «Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,

Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного,
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.» — Постой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста. —

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая:
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,

И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе?
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ, бывало, съ юга, глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу.
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
«Посади ты эту птицу,

Молвилъ онъ царю: на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой.
Коль кругомъ все будетъ мирно,
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.»
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ:
«За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи:
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы;
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: «кири-ку-ку!
Царствуй, лежа на боку!»
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Дадонъ

Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
«Царь ты нашъ! отецъ народа!
Возглашаетъ воевода:
Государь! проснись! бѣда!»
— Что такое, господа?
Говоритъ Дадонъ зѣвая,
А? кто тамъ? бѣда какая? —
Воевода говоритъ:
«Пѣтушокъ опять кричитъ;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ;
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было ль, не было ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова.
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ....
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ....
Царь завылъ: «охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.»
Всѣ завыли за Дадономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся.... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,

И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его скопецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему; что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу

Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ;
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся.
Что̀ ты въ голову забралъ?
Я конечно обѣщалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего.»
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: «такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь.
Убирайся, цѣлъ пока;
Оттащите старика!»
Старичекъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,

Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ — въѣзжаетъ въ городъ онъ....
Вдругъ раздался легкій звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился.... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка — ложь, да въ ней намёкъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ;
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогóй за себя дамъ откупъ:

Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.»
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.»
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.»

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ, сварливая баба.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
«Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.»
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»

Испугался старикъ, взмолился:
«Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
Насмѣшишь ты цѣлое царство.»
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой;
Хочетъ быть вольною царицей.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,

Молвилъ: «здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.»
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
Не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянѣ морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!

Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіянѣ морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ.»
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился —
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

14 Октября 1833. Болдино.

***

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь, будь что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.

Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда нибудь
[Жаль, теперь намъ не досужно]
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно....
Слушай сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой....*

* Первоначальная мысль этого «Монолога пьянаго мужика» находится въ письмѣ Пушкина и кн. Вяземскаго къ Жуковскому [26 марта 1833], которому Пушкинъ, по поводу поста и говѣнія, предлагалъ помянуть:

«Г. Шафонскаго,
Карманный громъ князя Григорія Волконскаго,
И ужъ Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь.
Надо помянуть покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
Ужъ какъ ты хочешь надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго
[Что не любитъ вина горскаго],
А по нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Васили-Сурскаго.
Надо помянуть парикмахера Эме,

ВОЕВОДА.

[ИЗЪ МИЦКЕВИЧА].

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ.... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,

Ресторатора Дюме,
Лавского, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетти славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть [особливо тебѣ] Арндта
Да англичанина Warnt'a.»

Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побрякалъ онъ,
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:

Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку.... Наводи....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе.... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся....
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

28 октября 1833. Болдино.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

[ИЗЪ МИЦКЕВИЧА].

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ Кестутъ-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
[Да хранятъ васъ литовскіе боги!],

Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта. —
Янтаря — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы;
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли ли?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

26 октября 1833. Болдино.

***

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силенъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса,

И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ:

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

[ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ].

I.

Начнемъ ab ovo:
Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
[Гласитъ софійскій хронографъ].
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороѳей. Въ засадѣ
Убитъ Якубъ, а Дороѳей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

II.

Овдрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими татаръ;
За то со славой, хоть съ урономъ,
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію татаръ
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

III.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамолъ и смутъ во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ [1]
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ. [2]

[1] Въ посольствѣ. — А. П.

[2] Пересѣсть кого — старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше. — А. П.

IV.

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились —
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При императорѣ Петрѣ....
Но извините, статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

V.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами —
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь [какъ общей пользы другъ]
Красою собственныхъ заслугъ,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

VI.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,

Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковской,[3]
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.[4]
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не въ прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

VII.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
Что русскій вѣтреный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

VIII.

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужій часъ

---

[3] Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. — А. П.

[4] Послѣ этого въ рукописи слѣдовало: «Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный» и пр. См. примѣчанія.

Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

[ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ].

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ

Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,[1]
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,

---

[1] Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par la quelle la Russie regarde en Europe, — А. П.

Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье;[2]
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,

[2] См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З — ой. — А. П.

Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Иль побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье....
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ. ..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной;
Ужъ было поздно и темно;

Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой....
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванья намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ, и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

И такъ, домой пришедъ, Евгеній
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка

Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито....
Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ....
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить стало ей не въ мочь.... [3]
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею

[3] Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій петербургскому наводненію [въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz]. Жаль только, что описаніе это не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта. — А. П.

Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ

Его пустились генералы[4]
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки.... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашеный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта.... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,

[4] Графъ Милорадовичъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.— А. П.

Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,

Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевощика зоветъ —
И перевощикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ чолнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Несчастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ....
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ....
Что жъ это?

Онъ остановился;
Пошелъ назадъ — и воротился.
Глядитъ.... идетъ.... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ.
Толкуетъ громко самъ съ собою —
И вдругъ ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей —
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,

Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній....
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни сё — ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый....
Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта

Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.[5]

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,

[5] См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ. — А. П.

Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался....
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ —
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ!» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось....
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ, и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой —
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье: къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.
Островъ малый
На взморьѣ видѣнъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего....
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

31 Октября 1833. Болдино.

———

АНДЖЕЛО.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завесть, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградою законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito, одинъ
Пустился странствовать, какъ древній паладинъ,

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить: хе, хе! да этотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобратилися привычки ужъ въ права,

И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила:
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнье
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Люціо, гуляка беззаботной,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
«Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Люціо, искусства и ума;
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость;

Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчитъ сердца людей.» — Изволь, поговорю!
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела
Въ то время съ важною монахиней сидѣла,
Постричься черезъ день она должна была,
И разговоръ о томъ со старицей вела.
Вдругъ Люціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
— Дѣвица [и судя по розовымъ щекамъ
Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ],
Нельзя ли доложить прекрасной Изабелѣ,
Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ.
«Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? очень радъ.
Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
Вашъ братъ въ тюрьмѣ. «За что?» За то, за что бы я
Благодарилъ его, красавица моя,
И не было бъ ему иного наказанья.
[Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
Немного жесткія своею наготой
Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой;
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душою какъ эфиръ:
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами].
— Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ. «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ....»

— Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
Насъ неудачею предатели стращаютъ,
И благо вѣрное достать не допускаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
Что если дѣвица, колѣна преклоня
Передъ мужчиною, и проситъ, и рыдаетъ,
Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
Съ усерднымъ Люціо къ вельможѣ поспѣшила,
И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
За брата своего намѣстника молила.
«Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ,
Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ,
Онъ долженъ умереть.» Заплакавъ, Изабела
Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
Но добрый Люціо дѣвицу удержалъ.
«Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ:
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтеся за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте же! еще!»

X.

Она опять
Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя закона.
«Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи,
Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.

Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ
Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
«Оставь меня, прошу,» сказалъ онъ тихо ей.
Но дѣва скромная и жарче, и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
Безъ милосердія, скажи: что было бъ съ нами?
Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
И новый человѣкъ ты будешь.»

XII.

Онъ въ отвѣтъ:
«Поди, твои мольбы пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнитъ. Спасти нельзя мнѣ брата,
И завтра онъ умретъ.»

ИЗАБЕЛА.

Какъ завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ,
Онъ не готовъ еще.... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленьѣ;
Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.
Потворствовать грѣху есть тоже преступленье:
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: «постой, постой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя.... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей, въ полунощной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа.»
Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ,
И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмой,
Сидѣлъ уединясь, объятъ одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ

Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслитъ онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
Душа.... Или когда святаго уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манитъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
Но мыслитъ, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безсмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ....
. . . .

Поутру къ Анджело явилась Изабела
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!...
Твой братъ не долженъ жить.... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему же
Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить?.... Что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что, если бъ отдали тебѣ на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую.... Дѣло въ томъ,
Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе ль?

ИЗАБЕЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать. грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛА.

О, пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью
[Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего].
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его
[Наперсникъ судіи, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный],
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ; не то — рѣшитъ законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАБЕЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей

И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умретъ!

ИЗАБЕЛА.

Такъ что же,
Онъ лучшій путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что жъ казалося тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАБЕЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ! женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАБЕЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умретъ, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛА.

Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь....

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію!

ИЗАБЕЛА.

О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести,
Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
И что подлунный міръ не стóитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ! — Очнулся онъ,
И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
«Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.»
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

Нѣтъ, иль развѣ поплатиться
Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? Вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,
Братъ милый! Я боюсь.... Послушай, милый братъ:
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? Мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.*

Сестра! или я трусъ?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль должно умереть, и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:

Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь.
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —
Самъ демонъ; сердце въ немъ черно, какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ
Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынъче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛА.

Братъ милой!
Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнію моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ.... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
. . . .
. . . .
. . . . Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить рѣшился бъ онъ на вѣкъ?
Нѣтъ, я не думаю, онъ умный человѣкъ.
Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ — однако жъ.... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ.... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ИЗАБЕЛА.

О, Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

ИЗАБЕЛА.

Что смѣешь говорить?
Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То все таки бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, постой, постой!
Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго простила и опять,
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ

Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь разсказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое что.... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.»
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположенье,
И далъ прощальное свое благословенье.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зерцало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ ангелъ, Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней,
И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой,
И наградить его условленной наградой.
Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: теперь о братѣ не забудь.
Марьяна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела.
Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась —
Вдругъ запечатанный приказъ приноситъ вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ
Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,

А самъ отправился, дабы вельможу злаго,
Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
И дружно въ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ. «помилуй, государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабелу мещетъ....
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
«Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла....»
Но обнаружа гнѣвъ
И долго скрытое въ душѣ негодованье:
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получитъ воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ.
Все объяснилося, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: «что, Анджело, скажи,
Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни

Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: — казни!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.
«Иди, сказалъ властитель,
Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель!»
Но бѣдная жена, къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила; ты мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
«Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища и будешь ты награда
Супругу лучшему.» — Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый, Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча. —
Изабела
Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ [сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю] жилъ праведно и честно,
Покамѣсть на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»
И Дукъ его простилъ.

1834.

—

МИЦКЕВИЧЪ.

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями [онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь]. Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 августа 1834. Спб.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали....
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.*

* Въ рукописи стихотвореніе это оканчивается слѣдующими стихами:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены —
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.

1835.

—

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

[книга II, ода VII: ad Pompejum].

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мѵрромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился....
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!

Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

[отрывокъ].

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный.

6 января 1835.

* * *

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ

Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

6 января 1835.

LVI ОДА АНАКРЕОНА.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

6 января.

* * *

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

МАЛЬЧИКУ.

[ИЗЪ КАТУЛЛА].

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь. рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

* * *

От меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусъ темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,

Сладокъ мускусъ новобрачнымъ.
Камфора годна гробамъ.

***

Не розу паѳосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу ѳеосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей....

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: на вѣкъ ты мой;
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

[Барклай де Толли].

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокой.

Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадонъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчною памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,

Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 апрѣля 1835. Св. Воскр. Спб. Метель и морозъ.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 апрѣля 1835.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь —
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.

Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;

Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она,
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ;
Пора! введи въ свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

[Сентября 1835 года]

***

. . . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ....
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ....

Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
                                        На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
                                        Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,

И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....
                                        Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

6 сентября 1835 года. Михайловское.

1836.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

[ПРИ ПОСЫЛКѢ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА]

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ. плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1836. 16 января. Спб.

ХУДОЖНИКУ.

[ГАЛЬБЕРГУ].

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ изъ подлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ — идеалъ, тамъ Ніобея — печаль....

Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта 1836 года.

* * *

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честнова,
Какъ будто у крыльца правителя градскова,
Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

1 іюня

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

[ИЗЪ ФРАНЧЕСКО ДЖІАНИ].

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной....
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательную ночь лобзавшія Христа.

22 іюня 1836. Кам. Остр.

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого цѣню я громкія права
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова! *
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!... Никому

* Hamlet. — А. П.

Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!...

5 іюля.

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

22 іюля 1836.

* * *

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —

Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
[Дешоваго рѣзца нелѣпыя затѣи!],
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ
Хоть плюнуть да бѣжать.
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
Колеблясь и шумя....

14 августа 1836 Каменный Островъ

* * *

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

1836. Авг. 21. Кам. Остр.

НА СТАТУИ:

I. Мальчика играющаго въ бабки.

[Работы Н. Пименова].

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился.... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

II. МАЛЬЧИКА ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ.

[Работы Н. Логановскаго].

Юноша полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой послѣ игры отдыхать!...

Октябрь 1836.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!

На даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.... И племена сразились.
Русь обняла кичливаго врага.
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,

Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его — и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ,
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, стражъ бодрый и могучій
На рубежѣ Европы сталъ....
И надъ землей скопились снова тучи,
И ураганъ ихъ....

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1822—1833.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Спб. Въ тип. Деп. Нар. Просв. 1825, въ 12 д. л. XXIV и 60 стр. — Подъ этимъ заглавіемъ вышла 1-я глава, съ посвященіемъ брату поэта, Льву Сергѣевичу, и съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено. —Нѣсколько пѣсенъ, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.—Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона. — Дальновидные критики замѣтятъ, конечно, недостатокъ плана. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Плѣнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, «въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія.» Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.»

Послѣ этого предисловія былъ напечатанъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» [стр. XI—XXII], впослѣдствіи вошедшій отдѣльно въ книжку стихотвореній, изданія 1835 г. Въ выноскѣ было означено: «Замѣтимъ для щекотливыхъ блюстителей приличій, что книгопродавецъ и поэтъ оба лица вымышленныя. Похвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ.»

Въ первомъ изданіи есть четыре примѣчанія, не вошедшія въ послѣдующія. Они перепечатаны въ нашемъ изданіи съ особыми отмѣтками, подъ №№ 3, 8, 13 и 14. Послѣдующія главы выходили безъ примѣчаній и

снабжены ими только при 2-мъ изданіи, гдѣ добавлены и два примѣчанія въ 1-й главѣ: Dendy и Bolivar.

Глава вторая. М. 1826, въ 42 стр.—Обѣ главы имѣли обычное цензурное разрѣшеніе; первая вновь была перепечатана въ 1829 г., а вторая въ 1830 г. въ Петербургѣ, но уже съ обозначеніемъ вмѣсто цензуры: «съ дозволенія правительства». Это же означеніе находится при всѣхъ слѣдующихъ главахъ и при 2-мъ изданіи, но при 3-мъ опять является разрѣшеніе цензуры. — Глава третья. Спб. 1827, въ 51 стр., съ слѣдующимъ вступленіемъ: «Первая глава Евгенія Онѣгина, написанная въ 1823 г., появилась въ 25-мъ. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.» — Главы четвертая и пятая. Спб. 1828., въ 92 и 2 стр., съ посвященіемъ П. А. Плетневу, помѣченнымъ: 29 декабря 1828 года. — Глава шестая. Спб. 1828, въ 48 стр. Въ концѣ ея находится примѣчаніе: «Въ продолженіе изданія 1 части Евгенія Онѣгина вкралось въ нее нѣсколько значительныхъ ошибокъ. Важнѣйшія изъ нихъ помѣщаются здѣсь. Поправки означены подъ ними en italique.» Затѣмъ приведено 40 исправленій текста, причемъ измѣнены иногда цѣлые стихи, такъ что это вовсе не поправка опечатокъ. Внизу этой таблички означено: «конецъ первой части», изъ чего видно, что поэтъ предполагалъ написать еще не двѣ-три главы, но цѣлую часть или, другими словами, цѣлую половину романа, однако написалъ только три главы и то одну изъ нихъ уничтожилъ.—Глава седьмая — Спб. 1830, въ 57 стр.— Глава восьмая. Спб. 1832, въ 51 стр. Съ предисловіемъ, перепечатаннымъ во 2-мъ изданіи при «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина».

2-е изданіе: Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сочиненіе Александра Пушкина. Спб. Въ тип. А. Смирдина. 1833, въ 8 д. л. 287 стр. Изданіе книгопродавца Смирдина. — Здѣсь выпущено «вступленіе» перваго изданія, «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», примѣчанія перваго изданія, указанныя выше, и слѣдующія строфы: въ четвертой главѣ строфа XXXVI, и въ пятой главѣ строфы XXXVII и XXXVIII, а въ шестой главѣ послѣдняя строфа, XLVII, перенесена въ примѣчанія; прибавлены къ осьмой главѣ Отрывки изъ путешествія Онѣгина. Поправки, явившіяся при VI главѣ, внесены въ текстъ 2-го изданія, кромѣ только одной въ XXVII стр. 4-й главы: «мгновенной думы легкій слѣдъ».

3-е изданіе. Спб. Въ тип. Экспедиціи Загот. Гос. бумагъ. 1837, въ 32 д. л. 310 стр. Изданіе Ильи Глазунова [это означено только на задней сторонѣ обложки]. — Безъ перемѣнъ, только посвященіе Плетневу [безъ его имени] было перенесено изъ примѣчаній 2-го изданія въ начало книжки, которая, замѣтимъ, вышла въ самый день смерти поэта.

Въ прибавленiяхъ къ Онѣгину, въ посмертномъ изданiи, кромѣ строфъ, которыя были помѣщены въ Современникѣ 1838, № 3 и 4, и въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 20, помѣщенъ еще Альбомъ Онѣгина.

Отрывки изъ Евгенiя Онѣгина, прежде полнаго изданiя, были помѣщены въ Сѣв. Цвѣтахъ 1825 и 1826 — изъ второй главы; въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 20, и 1828, № 1 и 2 — изъ четвертой, седьмой и осьмой главъ; въ Литературной Газетѣ 1830, № 1—изъ осьмой главы, и въ Сѣв. Пчелѣ.

Г. Анненковъ выбралъ изъ черновыхъ тетрадей поэта нѣсколько первоначальныхъ набросковъ строфъ, оставшихся или вовсе неотдѣланными, и поэтому обозначенныхъ въ текстѣ изданiй только цифрами, или же замѣненныхъ новыми, а также дополнилъ напечатанный посмертнымъ изданiемъ альбомъ Онѣгина, сообщивъ и строфу, описывающую наружный видъ этого альбома. Эти наброски напечатаны нами ниже, съ поправками П. И. Бартенева по рукописямъ.

Романъ писался съ 1822 г. по 1831 г. включительно. Самъ поэтъ набросалъ на листкѣ, сохранившемся въ его бумагахъ, время происхожденiя главъ, и порядокъ, который вѣроятно хотѣлъ дать имъ въ новомъ, полномъ изданiи.

ОНѢГИНЪ.

Часть первая. Предисловiе.

I пѣснь. — Хандра. Кишиневъ. Одесса.
II » Поэтъ. Одесса. 1824.
III » Барышня. Одесса. Михайловское. 1824.

Часть вторая.

IV пѣснь. — Деревня. Михайловское. 1825.
V » Именины. Мих. 1825, 1826.
VI » Поединокъ. Мих. 1826.

Часть третья.

VII пѣснь. — Москва. Москва. Мих. Спб. Малинники. 1827, 1828.
VIII » Странствiе. Москва. Павл. Болдино. 1829.
IX » Большой свѣтъ. Болдино. 1830.

Примѣчанiя.

Кишиневъ 1823 года, 9 мая.
Болдино 1830 года, 25 сентября.

7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней.

Конечно, эта замѣтка представляетъ только общiй обзоръ труда, но въ частностяхъ эти означенiя не совсѣмъ точны, потому что романъ писался

не сряду, а иногда послѣдующія строфы были написаны ранѣе предшествовавшихъ имъ, и даже строфы слѣдующей главы нерѣдко писались раньше окончанія предыдущей. Вообще изъ помѣтъ на черновыхъ тетрадяхъ и изъ писемъ поэта можно видѣть, что 1-я глава написана въ Одессѣ съ 9 мая по 25 сентября 1823 г.[1] 2-я окончена тамъ же 8 декабря 1823 г., и тамъ же начата 3-я глава 8 февраля 1824 г., оконченная уже въ Михайловскомъ. Здѣсь же въ январѣ 1825 г. начата, а въ августѣ окончена 4-я глава [см. письмо къ Катенину отъ 14 сентября 1825 г.], за тѣмъ въ теченіе 1825—1826 г. написана 5-я, и въ 1826 г. начата 6-я, которой XLV строфа написана 10 августа тамъ же, а двѣ заключительныя уже въ Москвѣ въ концѣ 1826 г. 7-я глава писалась въ Москвѣ, Михайловскомъ и Петербургѣ въ 1827—1828 г. и окончена въ дер. Малинникахъ, Тверской губ., 4 ноября 1828 г. Прежняя 8-я, впослѣдствіи уничтоженная, глава начата можетъ быть еще въ 1826 г. и не позже 1827 г., потому что въ этомъ году были напечатаны отрывки изъ нея въ «Московскомъ Вѣстникѣ», а окончательная отдѣлка дана ей вѣроятно въ 1830 г., въ Болдинѣ, откуда Пушкинъ писалъ Плетневу, что приготовилъ къ печати двѣ послѣднія главы Онѣгина. Тамъ же кончена 25 сентября 1830 г. и 9-я, нынѣшняя 8-я глава, которой первая строфа набросана еще въ Петербургѣ 24 декабря 1829 г., а послѣдующія строфы: X, XI и XII написаны даже раньше ея, потому что имѣютъ въ рукописи помѣту «2 октября 1829 г.» Пушкинъ однако пересматривалъ эту главу въ 1831 г., перенесъ въ нее нѣкоторыя строфы уничтоженной 8-й главы и добавилъ письмо Онѣгина, помѣченное: «3 октября 1831 г.» въ Царскомъ Селѣ.

Въ Болдинѣ же, 21-го ноября 1830 г., поэтъ написалъ и небольшое предисловіе къ VIII и IX главамъ, которое не могло явиться въ печати за уничтоженіемъ одной изъ этихъ главъ. Предисловіе это помѣщено въ отдѣлѣ «прозы» нынѣшняго изданія.

Для нашего изданія, мы, благодаря благосклонному вниманію князя Павла Петровича Вяземскаго, воспользовались подлиннымъ автографомъ 2-й главы, хранящимся въ его обширномъ собраніи, и внесли изъ этой рукописи нѣсколько существенныхъ поправокъ и цензурныхъ измѣненій подлиннаго текста, напр. во II и IV строфахъ,[2] равно возстановили непечатавшіеся, до Анненковскаго изданія включительно, 6 стиховъ въ VII-й и 7 стиховъ въ XXXV-й строфѣ, хотя и напечатанные въ послѣднихъ изданіяхъ, но съ искаженіемъ текста. Также въ XXX строфѣ мы поставили по под-

---

[1] Такъ означено у г. Анненкова въ т. I, стр. 227, но кромѣ того время окончанія главы онъ указываетъ еще: 22-го на стр. 93, и 23-го на стр. 115. Г. Бартеневъ въ тѣхъ же рукописяхъ прочелъ помѣту Пушкина при самомъ началѣ романа: «28 мая ночью» [1822 года въ Кишиневѣ].

[2] Вмѣсто прежняго: «Портреты дѣдовъ на стѣнахъ» и «Мужикъ судьбу благословилъ».

линнику «княжна Полина», какъ это напечатано и въ XXXIII-й, тогда какъ въ первой во всѣхъ изданіяхъ, по недосмотру, печаталось: «Алина».

Замѣтимъ, что вслѣдъ за 2-й главой Пушкинъ приписалъ: «Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобъ онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакостил.» Строки эти относятся, вѣроятно, къ Льву Сергѣевичу, любившему, вопреки желанію брата, всюду читать его новые стихи.—Затѣмъ рукой Пушкина переписаны два стихотворенія Батюшкова: «Подражаніе Аріосту» и «Къ N. N.» [Уварову], а потомъ написана — «Ода» къ графу Хвостову [см. т. I, стр. 462].

Остальные пропуски не могли быть возстановлены за неимѣніемъ полныхъ списковъ съ «Онѣгина», а въ рукописяхъ поэта черновые наброски сохранились не вполнѣ и полной перебѣленной рукописи вовсе не оказалось. Г. Анненковъ указываетъ, что кромѣ того должна существовать еще особая, вновь пересмотрѣнная и совершенно переправленная поэтомъ рукопись «Онѣгина», потому что по смерти Пушкина были напечатаны въ «Современникѣ» [1838, т. XI], вышеуказанные нами новыя строфы къ такимъ мѣстамъ, которыя уже замѣщены въ романѣ стихами, а не цифрой съ рядомъ точекъ, и замѣчено было: «приводимыя здѣсь строфы вписаны въ оригиналѣ особо противъ XXVII и XXVIII строфъ главы III.» Не найдетъ ли Яковъ К. Гротъ этотъ оригиналъ между бумагами Плетнева, такъ давно имъ разбираемыми?

Въ «Онѣгинѣ» есть много еще не разъясненныхъ намековъ на современныя лица и на литературныя отношенія того времени. XXXII строфа VI главы имѣетъ въ виду статью: «Направленіе нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе,» напечатанную въ альманахѣ «Мнемозина» 1824 г.; въ XVI и XXV строфахъ I главы упоминается лейбъ-гусарскій офицеръ Каверинъ, отличавшійся щеголеватостью и безукоризненностью своего туалета, и т. п. Замѣтимъ наконецъ, что въ рукописяхъ, принадлежавшихъ А. С. Норову, въ черновыхъ примѣчаніяхъ къ «Онѣгину» набросано Пушкинымъ слѣдующее: «Кто-то спрашивалъ у старушки· по страсти ли вышла замужъ? — По страсти, родимый, отвѣчала она, приказчикъ и староста обѣщались меня до полусмерти избить. — Встарину свадьбы, какъ суды, обыкновенно были пристрастны!» [Р. Арх. 1865, № 12].

Вотъ строфы, не вошедшія въ поэму, и черновые наброски, въ добавокъ къ помѣщеннымъ въ текстѣ отрывкамъ:

КЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ.

Къ строфѣ V.

И могъ онѣ даже въ самомъ дѣлѣ
Вести . . . . . споръ о Benjamen,
О карбонарахъ, о Парни,

Объ генералѣ Жомини.
Онъ зналъ нѣмецкую . . . . .
По книгѣ госпожи де-Сталь.
И приводилъ ихъ очень кстати....
Садился онъ за клавикорды
И бралъ на нихъ одни аккорды....
Какъ онъ умѣлъ наединѣ...
Но скромну быть пора бы мнѣ.

Къ XI.

Такъ рѣзвый баловень служанки,
Амбара стражъ, усатый котъ,
За мышью крадется съ лежанки,
Протянется . . . . идетъ....

Къ XIII.

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею скромной и смущенной
Начать, краснѣя, разговоръ.
. . . .
Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада.
. . . .

Къ XIV.

Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,
Какъ говоритъ Шатобріанъ.
Не женщина любви насъ учитъ,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ:
. . . .
Уйдетъ горячность молодая,
Лѣта пройдутъ; а между тѣмъ,
Прелестный опытъ упреждая,
Не насладимся мы ни чѣмъ.

Къ XVI.

И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
И vol au vent и vinaigrette.

Къ XXIV — XXV.

По всей Европѣ въ наше время
Между воспитанныхъ людей
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная ногтей;
И нынче воинъ и придворный,
Поэтъ и либералъ задорный,
И сладкій дипломатъ готовъ...[1]

Еще къ XXV.

Кокетства, странности такой,
Не понималъ философъ мой.
Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

Къ XXVII.

По длинной улицѣ рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый разливаютъ свѣтъ
И радугу на снѣгъ наводятъ.
Жандармы гонятъ кучеровъ.
...До утра жизнь его полна,
Однообразна и пестра.
И завтра тожъ, что и вчера.

Къ стр. XLV.

Мнѣ было грустно, тяжко, больно.
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,[2]
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...
. . . .

---

[1] Г. Анненковъ два послѣдніе стиха прочелъ такъ:

. . . . . и журналистъ задорный,
Поэтъ и сладкій дипломатъ
Готовы. . . . . .

[2] Г. Бартеневъ прочелъ: «Но одолѣвъ меня въ борьбѣ».

Потомъ опять было набросано:

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ.
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ. *

КО ВТОРОЙ ГЛАВѢ.

Къ стр. II.

Все это нынѣ ужъ ветшаетъ,
Но въ томъ и нужды было мало
Скупому дядѣ....

Къ III.

Онѣгинъ шкапы отворяетъ,
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ нашелъ онъ цѣлый строй
Бутылокъ съ яблочной водой
И календарь осьмаго года.

Къ IV.

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелко́вый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. — Евгеній
Быть можетъ толки презиралъ,

* И тутъ же приписано [8 декабря 1823]:

Жуковскій . . . . святой Парнаса чудотворецъ.
. . . . царедворецъ.
Крыловъ разбитъ параличемъ.

Быть можетъ и про нихъ не зналъ,
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

Къ VI.

Въ своей деревнѣ той порой
Другой помѣщикъ поселился.
Онъ изъ Германіи свободной
Привезъ учености плоды,
Неосторожныя мечты,
Духъ пылкій, прямо благородный....
И сердца неподдѣльный жаръ,
И геній власти надъ умами.

Къ VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ;
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Обворожали юный умъ.
Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье,
Страстей кипящихъ . . . . . пиръ,
И бури ихъ, и сладкій миръ.

Къ X.

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,

Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины тайныхъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

*

Пѣвцы слѣпаго упоенья,
Напрасно шалостей младыхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
Напрасно вѣтреная младость
Васъ любитъ славить на пирахъ;
Хранитъ и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ изнѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ....

*

Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратно зло...
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ....
Прилична ль гордому поэту
Промышленность!...
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ;
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы,
Но мнѣ невольно милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его творенья мать конечно
Велѣла бъ дочери читать.

La mère en prescrira la lecture à sa fille.

Стихъ Пирона вошелъ въ пословицу. Замѣтимъ, что Пиронъ [кромѣ своей «Метрики»] хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности.

Къ X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный;
Но пѣснь его была чиста,
Какъ мысли дѣвы простодушной,

Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ безоблачной небесъ равнинѣ....*

Къ XIV.

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны.
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно.
Собою жертвовать смѣшно.
Имѣть восторженное чувство
Простительно въ семнадцать лѣтъ.
Кто чувству вѣритъ, тотъ поэтъ,
Иль хочетъ выказать искусство
Предъ легковѣрною толпой.
Что жъ мы такое? Боже мой?
Но добрый юноша, готовый
Высокій подвигъ совершить,
Не будетъ въ гордости суровой
Стихи порочные твердить.
Но праведникъ изнеможденный,
Въ цѣпяхъ, на казни осужденный,
Съ лампадой, брежжущей во тьмѣ,
. . . . не склонитъ
На свитокъ вашъ очей своихъ
И на стѣнахъ вашъ вольный стихъ
. . . . не начертитъ,
Грядущимъ узникамъ въ привѣтъ.

Къ стр. XVI.

[ОБРАЗЦЫ СТИХОВЪ ЛЕНСКАГО].

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи.
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста —
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны;
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
Въ обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой...
. . . .

* Въ XII строфѣ вмѣсто: «Приди въ чертогъ» и пр. было написано: «Коль хочешь знать, я Купидонъ».

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны
Клянусь! давно бы я оставилъ этотъ міръ:
Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ....
Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
Ничтожество меня за гробомъ ожидаетъ....
Какъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!

Первоначально оба эти стихотворенія были набросаны такъ:

Ужасный день, когда твои небесны очи
Покроются туманомъ вѣчной ночи,
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста,
И снидешь ты въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны.
Но я, донынѣ твой поклонникъ жадный,
Въ обитель смертную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя печальный и нѣмой,
И ноги хладныя....
Лампадою твой милый трупъ я освѣщу,
Мой взоръ движенія не встрѣтитъ;
Коснуся ногъ, къ себѣ ихъ на колѣни
Сложу и буду ждать.... Чего?
Чтобъ силою мечтанья моего....

*

Надеждою младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память и любовь въ пучины безконечны:
Клянусь, давно бы и покинулъ мрачный міръ,
Я самъ разбилъ бы жизнь — уродливый кумиръ.
Но тщетно гордой умъ.... желаетъ:
Ничтожествомъ могила ужасаетъ.

Какъ! Ничего во мнѣ!...
Узналъ бы я предѣлъ свободныхъ наслажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна плыветъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь плѣнительной мечтѣ....
И я на жизнь гляжу печально вновь
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой.

Къ XVI.

Въ прогулкѣ ихъ уединенной
О чемъ ни заводили споръ!
Судьба души, судьба вселенной,
На что̀ ни обращали взоръ!
И предразсудки вѣковые,
И тайны гроба роковые,
Царей.... въ свою череду
Все подвергалось ихъ суду.

Потомъ еще:

Межъ ними все рождало споры:
Племенъ забытыхъ договоры....
Касался разговоръ порой
И русскихъ иногда поэтовъ.
Владиміръ слушалъ, какъ Евгеній
Немилосердно поражалъ....

Къ XVII.

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженъ и тотъ, кто ихъ не зналъ.

*

Страсть къ банку! Ни любовь свободы
Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ....

*

Ужъ я не тотъ и хладнокровно
Не ставлю....
Замѣтя тайное р у т е.
Атанде, слово роковое,
Мнѣ не приходитъ на языкъ,
Отъ риѳмы тоже я отвыкъ.
Что̀ буду дѣлать между тѣмъ?
Всѣмъ этимъ утомился я.
На дняхъ попробую, друзья,
Хотя....
Пріятно въ первый разъ конечно
У ногъ любовницы младой
Вздыхать и вѣрить ей безпечно.

Къ XXI.[1]

Ни дура англійской породы,
Ни своенравная мамзель
(Благодаря уставамъ моды[2]
Необходимыя досель)
Не баловали Ольги милой:
Ѳадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель....
(Она жъ за Ольгою ходила)
Стлала ей дѣтскую постель,
«Помилуй мя» читать учила,
Бову средь ночи говорила,[3]
Поутру наливала чай —
И баловала невзначай.

Къ XXIII.

Всегда тиха, всегда послушна.
Всегда какъ утро весела....
Сидѣла съ книгой у окна.

Къ ....

И Фебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Доселѣ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни...

---

[1] Стр. XX-я начиналась: «Такъ! онъ любилъ» и пр., а далѣе:

Такъ въ Ольгѣ милую подругу
Владиміръ видѣть привыкалъ.

[2] Было: Наставницы въ Россіи моды.

[3] У г. Бартенева: Бову разсказывать....

Къ XXVII.

Но куколъ даже въ эти годы
Татьяна въ руки не брала.
Она привыкла вмѣстѣ кушать,
Сосѣдей вмѣстѣ навѣщать,
По праздникамъ обѣдню слушать,
А въ будни цѣлый день зѣвать.

Къ XXXIX.

Быть можетъ . . . . . . стихъ небрежный
Переживетъ мой вѣкъ мятежный.
Могу воскликнуть
Exegi monumentum я.

*

Я узнаю сіи примѣты,
Примѣты вѣрныя любви....
[Сіи предвѣстія любви].
Для призраковъ закрылъ я вѣжды.

Къ стр. XL.

Но можетъ быть [и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ],
Изорванный, въ пыли и сажѣ,
Мой недочитанный разсказъ,
Съ Барковымъ изгнанъ изъ уборной,
Въ передней кончитъ вѣкъ позорной,
Какъ «Инвалидъ» иль календарь
Или затасканый букварь.
. . . .
Ну что жъ? Въ гостиной иль передней,
Не я второй, не я послѣдній,
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивой, строгой и тупой.*

---

* Первоначально было:

Не я первой, не я послѣдній,
Но что жъ! Въ гостинной иль въ передней
Равно читаютъ....
Надъ книгою права ихъ рáвны.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

Къ XXXV.

. . . . .внукъ нянинъ воротился.
— Ну, что жъ сосѣдъ? «Верьхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ,
Татьяна.» Вотъ и весь романъ!
Теперь какъ сердце въ ней забилось!
О, Боже! страхъ и стыдъ какой!
Въ груди дыханіе стѣснилось....
. . . .
На мать глядѣть она не смѣетъ;
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ;
При ней потупя взоръ молчитъ
И чуть не плачетъ.....

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

Къ XVII.

Но ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что можетъ быть, страна святая!
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ....
Какъ разговоръ ихъ пустъ и сухъ,
Какъ мысли пошлы, стародавны!
Но, уважая русскій духъ,
Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильныхъ шутокъ остроту,
Пороки, зубъ нечистоту,
И неопрятность и жеманство —
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

Къ XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ это время?
Гулять? Но голы всѣ мѣста,
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета.

КЪ СЕДЬМОЙ ГЛАВѢ.

Къ VIII.

... разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ...
Но тутъ поспѣшными шагами
Ее настигъ младой уланъ,
Затянутъ, статенъ и румянъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.

Къ IX.

Она на воина взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его —
И тихо руку протянула,
Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ...
. . . .

Къ XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой
Смутился ли пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
По крайней мѣрѣ, изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день

Его ревнующая тѣнь
И въ поздній часъ, Гимену милый,
Не испугали молодыхъ
Слѣды явленій гробовыхъ.

КЪ ОСЬМОЙ ГЛАВѢ.

Къ стр. I—IV.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея,*
А Цицерона проклиналъ,
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

---

* Шуточная поэма В. Майкова.

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ текущихъ въ тишинѣ.
Въ углахъ лицейскихъ переходовъ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ озарилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите хладныя науки!
Простите игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ... .
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

IV.

Вездѣ со мной неутомима
Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
[Amorem canat aetas prima]*
Все про любовь, да про любовь...
Я вторилъ ей; младые други
Въ освобожденные досуги
Любили слушать голосъ мой.
Они пристрастною душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую музу.
О торжество невинныхъ дней:
Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

Къ Х.

Блаженъ, кто понялъ голосъ строгой
Необходимости земной,
Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
Большой дорогой столбовой.
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ явился,

* Варіантъ карандашомъ: И первой нѣжностью томима.

И Богу душу передалъ
Какъ откупщикъ иль генералъ.
«Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей!»
Нельзя быть проще и яснѣй!
Но тяжело, проживъ полвѣка,
Въ минувшемъ видѣть только слѣдъ
Утраченныхъ безумныхъ лѣтъ.

XI.

Несносно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана... и пр.

Къ XXXII.

[изъ письма къ татьянѣ].

Я позабылъ вашъ образъ милый,
Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ,
И жизнь сокрылъ въ душѣ унылой,
Какъ искупительный недугъ.

*

Такъ! я безумецъ! — и ужели
Я слишкомъ многаго прошу?
Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
Того, что въ сердцѣ я ношу...

*

И что же? Вотъ чего хочу:
Пройду немного съ вами рядомъ,
Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
И, благодарный, замолчу...

КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ ОНѢГИНА.

I.

Наскуча щеголять Мельмотомъ,
И . . . . душой,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
Россія!... Русь!..... мгновенно
Ему понравилась отмѣнно.
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!

Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической душой,
Съ ея разумной суетой!
Онъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь — ея поля,
Селенья, степи и моря.

2 октября.

II.

[ВЪ МОСКВѢ].

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей всечасной суетой,
Старинной кухней угощаетъ,
Стерляжьей потчуетъ ухой.

III.

[ВЪ ОДЕССѢ].

Недолго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный,
И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
Пустился къ невскимъ берегамъ,
А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И славу Богу отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ —
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

ИЗЪ АЛЬБОМА ОНѢГИНА.

Къ стр. XXIII, гл. VII.

1.

Когда бы грузъ меня гнетущій
Былъ страсть, несчастіе. . . . .
Такъ, напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,

Бѣду снесемъ душою гордой,
Печаль надеждой усладимъ...
Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

2.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы:
К., Л., Ю.—клю... возможно ль? клюквы!

3.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

4.

Строгій свѣтъ
Смягчилъ свои предубѣжденья
Или простилъ мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

5.

Смѣшонъ, конечно, важный модникъ,
Систематическій Фоблисъ,
Красавицъ записной угодникъ
[Хоть по-дѣломъ онъ мучитъ васъ];
Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
Души возвышенныя чувства,
Прелестной вѣруя мечтѣ,
Приноситъ въ жертву красотѣ!...

6.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ
И, какъ она, перемѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы также, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой,
И также колетесь — Богъ съ вами!

Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да! чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
И также холодны, конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны;
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны!

7.

Увы!... языкъ любви болтливый,
Языкъ невинный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой!
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь риемы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ!
Тебя страшитъ любви признанье:
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь!

8.

Порой [одно] воспоминанье
Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ
. . . .
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

Уже въ 1833 г. Пушкинъ думалъ вновь возвратиться къ своему любимому роману. Слѣды этого остались въ «Посланіи къ Плетневу», найденномъ г. Бартеневымъ въ рукописяхъ поэта (Р. Арх. 1881, III) и въ трехъ черновыхъ набросках, сообщенныхъ г. Анненковымъ въ его «Матеріалахъ»:

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мой продолжать,
И потчуя стихомъ нашъ вѣкъ желѣзный,
Разсказами пустыми занимать.
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать
И для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату —
За каждый стихъ по десяти рублей:
Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.

Съ книгопродавца можно взять, ей-ей!
Съ почтенной публики межъ тѣмъ
Беря умѣренную плату,
За книжку по пяти рублей.
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

---

* * *

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «онъ живъ и не женатъ —
И такъ еще романъ не конченъ: это кладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму:
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ тебѣ еще и славу и доходъ.»
Пожалуй, я бы радъ....

I.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, прерывать...
. . . .
Что долженъ своего героя,
Какъ бы то ни было, женить,
По крайней мѣрѣ — уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

II.

Вы говорите: «слава Богу!
Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ. По немногу
Пиши жъ его — не будь лѣнивъ.
Со славы, вняв ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ
И милыхъ барышень своихъ,

Войну и балъ, ...
Чердакъ, и келью, и харемъ,
И съ нашей публики межъ тѣмъ *
Бери умѣренную плату:
За книжки по пяти рублей—
Налогъ не тягостный, ей-ей.»

1831.

Красавица [стр. 196] — напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834, № 5, а отсюда въ 4-й части «Стихотвореній» [1835 г.] и въ посмертномъ изданіи безъ перемѣнъ.

Эхо [стр. 196] — въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., отсюда въ 3-й части «Стихотвореній» [1832 г.] и въ посмертномъ изданіи. Мы помѣтили въ текстѣ, что эти стихи взяты изъ Томаса Мура.

Къ тѣни полководца [стр. 197] — только три первыя строфы были напечатаны при жизни поэта въ его «Объясненіи», по поводу нападокъ на стихотвореніе «Полководецъ», посвященное памяти Барклая де Толли [Современникъ 1836, № 4]. Стихотвореніе написано въ 1831 г., одновременно съ двумя слѣдующими. Автографъ хранится у Евг. Ив. Якушкина.

Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина [стр. 198—199] — напечатаны въ 1831 г. отдѣльной брошюрой, озаглавленной: «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина.» Въ рукописи первое помѣчено 2-мъ августа [какъ указываетъ г. Анненковъ въ III т., стр. 19-я, или 5-мъ, какъ онъ же указываетъ въ I т., стр. 318], а второе — 5-мъ сентября, но въ печати подъ первымъ выставлено было «16-го августа». Въ цензурной тетради, по которой печаталась 3-я часть стихотвореній [1832], Пушкинъ во второй одѣ поправилъ слѣдующіе первоначальные стихи: въ IV строфѣ — 1-й «Кто уступилъ, тотъ невредимъ» и 8-й: «не узрятъ хладнаго лица»; въ V-й строфѣ — 5 стихъ: «Больной измученный колоссъ»; въ VI строфѣ — 10-й стихъ: «Святыни всѣхъ своихъ градовъ»; въ VII—1 стихъ: «Вашъ буйный шумъ»; и въ послѣдней строфѣ стихъ 8: «И встрепетала тѣнь его». Въ V-й строфѣ г. Анненковъ ввелъ опечатку, которую повторили и оба слѣдующія изданія: «Но вы мучители палатъ», вмѣсто «мутители».

Приведенные нами въ подстрочномъ примѣчаніи [стр. 202] стихи, взяты изъ воспоминаній А. О. Смирновой-Россети, напечатанныхъ въ «Русск. Архивѣ». Она же указываетъ, что Пушкинъ написалъ стихи къ ея горничной, архангельской уроженкѣ, и приводитъ начало, очень сомнительное по неточности размѣра: «Архангельская Саша живетъ у другой Саши».

* Г. Анненковъ прочелъ: «хоромы» и «за то».

19 Октября [стр. 202] — Напечатано въ посмертномъ изд., подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Лицейская годовщина». Заключительная строфа, помѣщенная нами въ выноскѣ, впервые дана изданіемъ г. Анненкова въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, въ текстѣ стихотворенія были исправлены поэтомъ первоначальные стихи: 1) послѣдній въ 4 строфѣ: «И надо всѣми мы рыдали». 2) 6-й стихъ въ 5-й строфѣ: «Пировъ и гордыхъ помышленій», и исключено обращеніе къ Дельвигу:

Мы рождены, мой братъ названый,
Подъ одинаковой звѣздой,
Явилися мы рано оба,
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба;
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

Отрывокъ [стр. 204]—въ VII томѣ г. Анненкова по рукописи поэта изъ тетрадей 1830—1831 г. 9-й стихъ сначала былъ: «Въ пугливой памяти храня».

Къ этому же времени относятъ двѣ эпиграммы на Булгарина, изъ которыхъ первая напечатана въ «Русской Рѣчи» 1861, № 95 и во второмъ изданіи г. Геннади; а вторая явилась въ «Р. Архивѣ» 1876, № 10. Послѣдняя вызвана появленіемъ Булгаринскихъ романовъ: «Иванъ Выжигинъ» 1830 г. и «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» 1831 г., почему въ рукописяхъ встрѣчается иногда съ заглавіемъ: «Родословная Выжигиныхъ». Принадлежность обѣихъ эпиграммъ Пушкину не доказана и многими оспоривается. Вотъ онѣ:

1.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я поэтъ—не лицемѣрю:
Согласенъ я—онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ—не вѣрю

2.

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра.

Сказка о царѣ Салтанѣ [стр. 205] — впервые напечатана въ особой брошюрѣ вмѣстѣ съ сказками Жуковскаго, но брошюра эта назначена была Жуковскимъ только для высочайшихъ особъ. Публика же познакомилась со сказкою Пушкина въ 3-й части его «Стихотвореній», изданной въ 1832 г. Въ цензурной рукописи этой части [у г. Гаевскаго] все обширное заглавіе сказки написано посторонней рукою, повидимому Жу-

ковскаго; а самимъ поэтомъ сдѣланы въ текстѣ нѣкоторыя исправленія Такъ 6-й стихъ [стр. 205] былъ исправленъ: «То на весь крещеный міръ», а потомъ возстановленъ прежній. Ст. 2-й снизу: «Вы жъ, невѣстушки-сестрицы». Стр. 206, ст. 2-й: Вслѣдъ за мной и за женой», 9-й: «И Салтанъ» и пр., а 20—21-й были: «Дѣла вдаль не отлагая. Съ первой ночи понесла». На стр. 209 передъ 4 стихомъ снизу въ рукописи зачеркнуто:

Кличетъ лебедь безотрадно....
Стало жалко и досадно
Моему богатырю:
«Я те, лебедь, подарю!»
Молвилъ онъ — стрѣла запѣла, и т. д.

На стр. 210, стихъ 18: «Ты волшебницу оправилъ» и 21-й: «Ужъ тебя я не забуду». На стр. 215, послѣ 7-го стиха было еще:

Тамъ у берега морскова
Очутился онъ, и снова
Княземъ сталъ изъ комара.
Князь у синя моря ходитъ и пр.

На стр. 228, стихъ 7-й снизу читался: «Всякимъ воровскимъ товаромъ». — Сказка эта, не смотря на свою длинноту и на отсутствіе народнаго элемента, очень понравилась современникамъ, такъ что Гнѣдичъ привѣтствовалъ Пушкина восторженнымъ посланіемъ: «Пушкинъ-Протей!» и проч.

Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остоловѣ и работникѣ его Балдѣ [стр. 233] подъ такимъ заглавіемъ напечатана была уже по смерти автора въ «Сынѣ Отечества», 1840, № 5, и за тѣмъ въ посмертномъ изданіи, хотя окончена была, судя по помѣтѣ, 13 сентября 1831 г. Для печати она была измѣнена Жуковскимъ.

1832.

Нѣтъ я не дорожу [стр. 239]—въ «Библ. Запискахъ», 1858, № 7, и за тѣмъ въ послѣднихъ изданіяхъ, но во всѣхъ трехъ предпослѣднихъ печатаніяхъ неправильно отнесено къ 1830 г., вѣроятно по ошибкѣ переписчика въ помѣтѣ стихотворенія.

Въ альбомъ Россети [стр. 239]—въ «Отеч. Запискахъ», 1840, № 10, и оттуда въ посмертномъ изданіи.

Въ еврейской хижинѣ лампада и Когда владыка ассирійскій [стр. 240]—впервые даны въ «Матеріалахъ» и въ VII

томѣ г. Анненкова. Мы отнесли ихъ къ этому году, потому что издатель упоминаетъ о нихъ, по рукописямъ поэта, на ряду съ другими стихотвореніями этого же года.

Альфонсъ [стр. 241]—въ IX томѣ посмертнаго изданія, въ отдѣлѣ лучшихъ произведеній поэта, именно между стих. «Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ» и «Осень», но такъ какъ черезъ нѣсколько страницъ начинаются «Лицейскія стихотворенія», то вѣроятно по неосмотрительности г. Анненковъ отнесъ къ нимъ и «Альфонса», и отозвался о немъ свысока, наряду съ самыми слабыми, дѣтскими произведеніями поэта: «По пьесамъ—Осгаръ, Эвлега, Леда, Бова, Альфонсъ и пр. можно видѣть, какъ молодой авторъ» и проч. [т. 2, стр. 228]. Между тѣмъ прелестный, твердый стихъ отрывка и его содержаніе прямо указываютъ его мѣсто въ ряду произведеній Пушкина, и Бѣлинскій очень вѣрно отнесъ «Альфонса» къ числу особенно замѣчательныхъ произведеній Пушкина [т. V, стр. 320, и т. VIII, стр. 412].

Родригъ [стр. 242]—въ посмертномъ изданіи подъ этимъ заглавіемъ, котораго въ рукописи нѣтъ. Въ ней сверху стиховъ набросано: «Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны. Искушенія.» Это первоначальный очеркъ [по старому испанскому романсу] стихотворенія, которое поэтъ предполагалъ раздѣлить на нѣсколько отдѣловъ. Послѣдняя часть о Родригѣ побѣдителѣ не была написана, говоритъ г. Анненковъ. Въ «Р. Архивѣ» 1881, т. I, с. 452 напечатано нѣсколько черновыхъ стиховъ первоначальнаго наброска, совсѣмъ не указанныхъ г. Анненковымъ:

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ....
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ »

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и не вѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля,
Не моя.... Кто тамъ идетъ?

Жилъ на свѣтѣ [стр. 246] — этотъ «романсъ» помѣщенъ посмертнымъ изданіемъ въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго. Въ письмѣ къ Яковлеву [VII, 345], Пушкинъ упоминаетъ свой «Романсъ о рыцарѣ влюбленномъ въ дѣву» — не это ли стихотвореніе называлъ онъ такимъ именемъ? Послѣдняя строфа впервые сообщена Р. Архивомъ [1881, III], при чемъ г. Бартеневъ замѣтилъ, что строфы «Путешествуя въ Женеву» и пошлой пародіи, сообщенной въ Русскомъ же Архивѣ г. Чириковымъ: «Цѣлый вѣкъ онъ не молился» — въ подлинной рукописи не имѣется.

И далѣ мы пошли [стр. 248] — въ посмертномъ изд. подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Подражаніе Данту», сбитое въ одно съ совершенно особымъ стихотвореніемъ, написаннымъ еще въ 1830 году [см. томъ II, стр. 304 нынѣшняго изданія]. Г. Анненковъ говоритъ о варіантахъ рукописи, но къ сожалѣнію ихъ не привелъ.

Въ Альбомъ [стр. 249]—въ «Отеч. Запискахъ» 1839, № 1, и въ посмертномъ изд. Такъ какъ другое стихотвореніе [Дельвига] было сообщено въ тотъ же нумеръ «Отечественныхъ Записокъ» лицейскимъ товарищемъ поэта М. Л. Яковлевымъ, то можно догадываться, что не изъ его ли собственнаго альбома оно взято.

НА А. Н. МУРАВЬЕВА.

[АВТОРА БИТВЫ ПРИ ТИВЕРІАДѢ.]

Не всѣхъ бѣснующихъ людей
Богъ истребилъ въ Тиверіадѣ,
И изъ утопленныхъ свиней
Одна осталась въ Петроградѣ.

[Сентябрь 1832].

Эта эпиграмма помѣщена въ «Русск. Архивѣ», 1876, № 10, но судя по брошюрѣ Муравьева: «Знакомство съ русскими поэтами», нельзя предположить, чтобы Пушкинъ написалъ ее, такъ какъ по словамъ Муравьева, одобралъ его пьесу, поощрялъ его и сочувствовалъ его успѣху. Однако изъ «Хроники петербургскихъ театровъ» [Спб. 1877] видно, что пьеса, представленная въ началѣ сентября 1832 г., оказалась «снотворною» и выдержала не болѣе 2—3 представленій. — Съ именемъ Пушкина печа-

тается въ заграничныхъ сборникахъ и еще одна эпиграмма на Муравьева: «На диво намъ и всей Европѣ». Вѣрнѣе она читается:

Монаршей волею священной
Ключъ камергерскій золотой
Привѣщенъ и проч.

Кн. Абамелекъ [стр. 250]—въ «Отеч. Запискахъ» 1840 г., № 1, и въ посм. изданіи, подъ несовсѣмъ точнымъ заглавіемъ: «А. Д. Баратынской». Оно написано къ княжнѣ Аннѣ Давыдовнѣ Абамелекъ, уже впослѣдствіи вышедшей за Баратынскаго, брата поэта. Благодарностью за это указаніе мы обязаны И. Д. Делянову.

Въ альбомъ [стр. 250]—въ VII т. изданія г. Анненкова.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я [стр. 251] — въ «Альманахѣ на 1838 г.» Владиславлева, безъ помѣты, данной изданіемъ г. Анненкова по рукописи, хотя онъ при этомъ не возстановилъ и даже не оговорилъ: имѣется ли въ этой рукописи пропущенный альманахомъ 10-й стихъ. Въ посмертномъ изд. это стихотвореніе напечатано не было.

Русалка [стр. 252]—по смерти Пушкина въ «Современникѣ» 1837 года т. VI. Въ рукописи пьеса не имѣетъ заглавія. Послѣ первой сцены сдѣлана поэтомъ помѣта, которую г. Анненковъ указываетъ дважды въ двухъ видахъ: «12 апрѣля 1832» [т. I, стр. 362] и «27 апрѣля 1832» [т. IV, стр. 465]. Пьеса осталась не отдѣланною и не оконченною, да и самая программа, набросанная поэтомъ, прерывается почти на томъ же, на чемъ и пьеса: «Мельникъ и его дочь. Свадьба. Княгиня и мамка. Русалки. Князь, старикъ и русалочка. Охотники.» Г. Анненковъ указываетъ первую мысль «Русалки» въ пѣснѣ, переведенной Пушкинымъ: «Янышъ-королевичъ», которая обрывается тоже на появленіи русалкиной дочери. — Перебѣленная рукопись «Русалки» имѣетъ много поправокъ и замѣтокъ поэта. Вычеркнутыя имъ мѣста и его варіанты приведены нами въ подстрочныхъ выноскахъ. Въ «Современникѣ» и посмертномъ изданіи пьеса была напечатана небрежно, съ ошибками и пропусками, исправленными по рукописи г. Анненковымъ, который откинулъ и стихъ, не принадлежащій Пушкину: «прошло уже двѣнадцать полныхъ лѣтъ», потому что у Пушкина только было помѣчено на сторонѣ: «прошло 8 лѣтъ», и сверху прибавлено: «долгихъ». Стихъ этотъ, хотя и не полный, но необходимый для поясненія времени дѣйствія, мы помѣстили въ текстѣ.

Въ бумагахъ А. С. Норова сохранился черновой автографъ «разговора» княгини съ мамкой [Р. Архивъ 1865, № 12]:

— Княгиня-княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,

Головку повѣсила?
Ты не вѣсь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.
— Ахъ нянюшка, нянюшка, милая моя!
Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть?
Какъ была я въ дѣвицахъ, мужъ любилъ меня;
Вышла за него — разлюбилъ меня.
Бывало дружокъ мой супротивъ меня сидитъ,
Сидитъ цѣлый день и съ мѣста нейдетъ,
Сидитъ да глядитъ, не смигиваетъ.
А нынче дружокъ мой ни свѣтъ ни заря
Разбудитъ меня да самъ на коня.
Весь день по гостямъ разгуливаетъ,
Пріѣдетъ не молвитъ словечушка мнѣ
Онъ ласковаго, привѣтливаго.
— Дитя мое дитятко, не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама разсуди:
Удалъ добрый молодецъ, что вольный пѣтухъ—
Махъ-махъ крыломъ, запѣлъ, полетѣлъ;
А красная дѣвица, что насѣдочка,
Сиди да сиди, цыплятъ выводи.
— Ужъ нѣтъ ли у него зазнобы какой?
Ужъ нѣтъ ли на меня разлучницы?
— Полно ты, милая, сама разсуди:
Ты всѣмъ-то взяла, всѣмъ-то хороша,
Красотой, умомъ-разумомъ,
Тихимъ ласковымъ обычаемъ,
Лебединою походочкой,
Соловьиной поговорочкой.

1832—1833.

Пѣсни западныхъ славянъ [стр. 277]. Пятнадцать изъ этихъ пѣсенъ подъ такимъ заглавіемъ были напечатаны въ «Библ. для Чтенія» 1835 г., кн. 3, а пѣсня 16-я «Конь» явилась отдѣльно въ предшествовавшей книжкѣ журнала, съ помѣтою: «Сербская пѣсня». Всѣ 16 пѣсенъ были перепечатаны въ 4-мъ томѣ «стихотвореній» [1835], съ присоединеніемъ предисловія и примѣчаній, которыхъ не было въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ посмертномъ изданіи послѣдняя пѣсня снова была отдѣлена отъ другихъ и вошла въ III томъ, тогда какъ прочія 15 помѣщены

въ IV-мъ. Сохранившееся начало 17-й пѣсни, о которой говорится въ письмѣ Мериме, впервые дано въ «Матеріалахъ» г. Анненкова. Происхожденіе пѣсенъ указано въ томъ же письмѣ Мериме. Въ переводѣ Пушкина они явились несравненно выше оригинала, благодаря истинно-художественной передѣлкѣ ихъ въ чистонародномъ духѣ. Изъ Мериме Пушкинъ взялъ 11 пѣсенъ; изъ остальныхъ же: «Сестра и Братья» и «Соловей» взяты имъ изъ сборника сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича, откуда онъ началъ переводить и «Пѣсню о женѣ Гассана Аги»; «Янышъ королевичъ» — изъ чешскихъ народныхъ сказаній; а «Пѣсня о Георгіи Черномъ» и «Воевода Милошъ» — изъ современной сербской исторіи. Къ послѣднимъ мы помѣстили два подстрочныя поясненія, отличивъ ихъ звѣздочкой отъ примѣчаній поэта, обозначенныхъ цифрами. — По мнѣнію г. Анненкова всѣ эти пѣсни написаны въ 1832 и лѣтомъ 1833 г., потому что, напр., пѣсня «Янышъ-королевичъ» видимо дала Пушкину идею его «Русалки», несомнѣнно писанной въ 1832 г., и обрывающейся почти на томъ же, на чемъ и самая пѣсня; а другой предѣльный срокъ указывается помѣтой подъ сказкой «О рыбакѣ и рыбкѣ», которая въ октябрѣ 1833 г. была названа поэтомъ «осьмнадцатой» сербскою пѣснею; стало быть, первые 16 были уже окончены и начата [а можетъ и окончена, но уничтожена или утрачена] семнадцатая.

1833.

Подражанія древнимъ [стр. 309]—два напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1834, т. V, съ помѣтою: «1832 г.», но въ рукописи первое помѣчено 1-мъ января, а второе: 12-мъ января 1833 г. Третье подражаніе [Вино], написанное одновременно съ первымъ, дано г. Анненковымъ.

Странникъ [стр. 310] — въ IX дополнительномъ томѣ посмертнаго изданія, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «отрывокъ», вмѣсто даннаго самимъ авторомъ, и съ исправленіемъ стиховъ въ IV-й строфѣ: «Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ» [стр. 312, ст. 2] и двухъ послѣднихъ, передѣланныхъ издателями такъ:

Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
Спасенія путемъ въ таинственны врата.

Въ изданіи 1855 г. замѣчено, что это стихотвореніе, какъ соединеніе религіозности, поэзіи и живописи душевныхъ болѣзней, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній Пушкина. За тѣмъ въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 11, указано, что это стихотвореніе представляетъ очень близкое переложеніе начала прозаическаго сочиненія Буньяна: «The pilgrim's progress from this world to that which is to come».

Напрасно я бѣгу [стр. 312] — отрывокъ этотъ сообщенъ изданіемъ г. Анненкова, который и вставилъ [какъ видно теперь изъ рукописей] недостающее слово въ четвертомъ стихѣ: «Взметая гривой пыль». Кажется, вѣрнѣе было бы поставить: «лапой», что мы и сдѣлали, отмѣтивъ это слово скобками.

ЭКСПРОМТЪ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Риѳмы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Экспромтъ этотъ напечатанъ въ «Библ. Запискахъ» 1858, № 16, съ поясненіемъ, что онъ написанъ лѣтомъ 1833 г. на Черной рѣчкѣ по поводу отвѣта кн. С. Г. Голицына, что играетъ и на прежде выигранныя и на вновь поставленныя деньги: «и на эти, и на тѣ, и на тѣ, тѣ, тѣ».

Когда бъ не смутное влеченье [стр. 312] — въ «Современникѣ» 1857 г., № 1, и въ VII томѣ г. Анненкова, безъ обозначенія, что стихотвореніе относится къ Олениной.

Гусаръ [стр. 313] — въ «Библ. для Чтенія» 1834, № 1, и въ IV томѣ «стихотвореній», по которому мы исправили въ 9 и 11 строфахъ неправильно напечатанные г. Анненковымъ стихи: «Мигну, бывало, ей, кума!» и «Зачѣмъ бы ей, подумалъ я».

Сказка о мертвой царевнѣ [стр. 317] — въ «Библ. для Чтенія» 1834, № 2, и въ IV томѣ «стихотвореній», гдѣ она помѣчена самимъ авторомъ «1833 годомъ». У г. Анненкова 22 и 23 стихи на стр. 317 были произвольно переставлены одинъ вмѣсто другаго, а 3-й, на стр. 319, напечатанъ неправильно: «И приданое готово».

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ [стр. 333] — въ «Библ. для Чтенія» 1835, № 4, съ пропускомъ 8-го стиха во 2-й строфѣ на стр. 334 и двухъ заключительныхъ стиховъ. Эти три стиха даны были въ «Библ. Запискахъ» 1861 г.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ [стр. 339] — въ «Библ. для Чтенія» 1835, № 5, а отсюда въ IV томѣ «стихотвореній», гдѣ она и помѣщена непосредственно за предыдущею сказкой. Въ рукописи она имѣетъ помѣту: «14-го октября 1833 года. Болдино. 18-я пѣсня сербская». Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Анненковъ не отнесетъ обѣихъ предыдущихъ сказокъ къ 1833 г., что можно заключить изъ того, что онъ не выставилъ при нихъ годъ, а въ «Матеріалахъ» прямо замѣтилъ, что Пушкинъ «написалъ въ духѣ первой своей сказки [о Салтанѣ 1831 г.] еще: «О мертвой царевнѣ» и «О золотомъ пѣтушкѣ», но въ 1833 г. создалъ сказку «О рыбакѣ и рыбкѣ»..... и пр. [т. I, стр. 320].

Сватъ Иванъ [стр. 345] — этотъ превосходный отрывокъ сообщенъ впервые въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, безъ обозначенія, когда онъ написанъ, замаскированнаго темной фразою: «гораздо позднѣе Пушкинъ написалъ шутку въ этомъ же родѣ [дѣло идетъ о сказкахъ 1825 г.]: Монологъ пьянаго мужичка, къ которому приложилъ даже картинку отъ руки» и пр. Мы отнесли этотъ отрывокъ къ 1833 г. на основаніи приведенной въ подстрочномъ примѣчаніи [стр. 346] выписки изъ письма кн. Вяземскаго и Пушкина къ Жуковскому, предлагавшихъ ему помянуть нѣсколько сотъ лицъ. Это письмо, изданное кн. П. П. Вяземскимъ въ числѣ семи автографическихъ снимковъ съ писемъ Пушкина [Спб. 1880], въ началѣ своемъ прямо указываетъ: «Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо: трехъ Матренъ, да Луку съ Петромъ»..... и пр. Въ письмѣ три страницы набора именъ принадлежатъ кн. Вяземскому и только одна [именно 2-я въ общемъ счетѣ] Пушкину. Помѣту князя можно прочесть и «28» и «26 марта 1833», такъ она своеобразна. Поправки въ нынѣшнемъ изданіи внесены съ рукописи, хранящейся въ Московскомъ музеѣ.

Къ этому же времени относится и отрывокъ стихотворенія, найденный г. Бартеневымъ въ рукописяхъ поэта [Р. Арх. 1881, III]:

Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
Въ оперенныхъ шишачкахъ,
Съ палашами на плечахъ....
Передъ шахматной доскою
На столѣ лахань съ водою....
Плаваетъ по всей лахани
Куча дивныхъ кораблей,
Барокъ, катеровъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
А вѣтрильца
Будто бабочкины крыльца.

Г. Бартеневъ послѣ этого ставитъ еще четыре стиха, но это по всей вѣроятности набросокъ, назначенный для вставки послѣ первыхъ пяти стиховъ:

Тутъ лоханъ передъ собою
Приказалъ налить водою,
Плавать онъ пустилъ по ней
Тьму чудесныхъ кораблей.

Воевода и Будрысъ [стр. 347 и 349]—въ «Библ. для Чтенія» 1833, № 3, съ помѣтою при первой: «польская», а при второй—«литовская баллада», и съ указаніемъ въ оглавленіи тома: «Изъ М—ча», что выпущено въ IV томѣ «стихотвореній» и въ слѣдующихъ изданіяхъ. Въ рукописи оба стихотворенія помѣчены однимъ числомъ.

«Не дай мнѣ Богъ» [стр. 351]—въ IX томѣ посмертнаго изданія. По указанію г. Анненкова оно принадлежитъ 1833 г. и написано въ одно время съ «Мѣднымъ Всадникомъ».

Родословная моего героя [стр. 352]—напечатана въ «Современникѣ» 1836, т. III, а отсюда въ посмертномъ изданіи безъ перемѣнъ. Въ печати два стиха явились измѣненными противъ рукописи, вѣроятно по мимо воли поэта. Такъ возстановленный нами 9-й стихъ II-й строфы, риемующій въ 12-мъ, въ печати явился оставшимся безъ риемы: «За то на Куликовомъ полѣ». Г. Анненковъ, чтобъ имѣть подобіе риемы къ 12 стиху, предполагалъ, что его надо читать: «За то на полѣ Куликовомъ» — очень бѣдная риема къ слову «Дономъ». Стихъ 8-й въ VI-й строфѣ былъ напечатанъ: «О толстобрюхой старинѣ». Кромѣ того въ рукописи находились слѣдующія измѣненія: стр. I, ст. 10: Съ рукою греческой княжны. II, 13: «Ударя съ тыла въ кучу ихъ». III, 7: «Служили князьямъ и царямъ». IV, 3: «Когда подъ мирною державой». IV, 10—11: «Читатель, я вамъ досадилъ; Нашъ вѣкъ васъ, вѣрно, просвѣтилъ». VIII, 8: «Имѣлъ пятнадцать тысячъ душъ». VIII, 11—12: «Была сперва заложена, Потомъ въ ломбардѣ продавалась».

Сохранились также и черновые первоначальные наброски этого стихотворенія, впервые приведенные въ «Матеріалахъ» г. Анненкова и недавно пополненные г. Бартеневымъ. Въ нашемъ изданіи, по тѣмъ же рукописямъ, поправлено чтеніе г. Бартенева и г. Анненкова:

ЧЕРНОВОЕ НАЧАЛО.

I.

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
Нева въ теченьи возмущенномъ

Шумя неслась. Упрямый валъ,[1]
Какъ бы проситель безпокойной,
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Ея широкихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Вечернихъ звѣздъ не видно было.
Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
По улицамъ взвивался прахъ[2]
И буйный вихорь вылъ уныло,
Клубя капоты дѣвъ ночныхъ
И заглушая часовыхъ.

II.

Порой той поздней и печальной
Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,
Неся огарокъ свѣчки сальной,
Въ канурку пятаго жилья
Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдной,
Задумчивой, худой и блѣдной;
Вздохнулъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый,
И шкапъ со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все—потомъ,
Дымкомъ своей сигарки сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель
Подъ заслуженную шинель.

ИСПРАВЛЕННОЕ НАЧАЛО.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
Дышало небо влажнымъ хладомъ;
Нева шумѣла; бился валъ
О пристань набережной стройной,
Какъ челобитчикъ безпокойной
Объ дверь судейской. Дождь въ окно
Стучалъ печально. Ужъ темно
Все становилось. Въ это время
Иванъ Езерскій, мой сосѣдъ,

---

[1] У г. Анненкова: «Угрюмый» валъ. [2] Тоже: «На улицахъ».

Вошелъ въ свой тѣсный кабинетъ.
Однако жъ родъ его и племя,
И чинъ, и службу, и года
Вамъ знать не худо, господа.
Начнемъ ab ovo....

после III строфы.

Во время смуты безначальной,
Когда толяхъ, то гордый шведъ
Одолѣвалъ нашъ край печальной
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ;
Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
А съ крулемъ велъ переговоры
Предатель умный[1] Салтыковъ,
И средь озлобленныхъ враговъ
Посольство русское гладало,
И за отчизну сталъ одинъ
Нижегородскій мѣщанинъ,
Въ тѣ дни Езерскіе не мало...[2]
. . . .

къ IV строфѣ.

Одинъ изъ нихъ былъ четверть вѣка
За староверовъ и стрѣльцовъ;
Другой въ Парижѣ обучался
И первый на Руси святой
Разстался съ русой бородой...
Степанъ Артемьевичъ Езерскій
Елизаветой посланъ былъ
Въ свои деревни....

къ VI и VII стр.

...Объ отдаленной старинѣ
Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Отъ этой слабости безвредной
Какъ ни старался, видитъ Богъ,
Отвыкнуть я никакъ не могъ.

*

---

[1] У г. Анненкова: «Хитрый». — [2] Тоже: «Въ тѣ дни Езерскій...»

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ кажется никто....
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;
Что наши сёла, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
Что будутъ нищи наши внуки;
Что русскій вѣтреный бояринъ
Теряетъ грамоты царей
Какъ старый сборъ календарей.

Кромѣ этого есть слѣдующіе варіанты:

Что историческіе звуки
Намъ стали чужды, что спроста
Изъ баръ и т. д.
Что нищи будутъ наши внуки,
И что спасибо и т. д.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ,
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ,
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва и т. д.

СТРОФА IX.

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,

Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неосторожевъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса....
Вы правы!... Но, божиться радъ,
И я совсѣмъ не виноватъ.

X.

Скажите: «экой вздоръ!» иль «bravo!»
Иль не скажите ничего —
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть малой онъ обыкновенной,
Не второклаcный Донъ Жуанъ,
Не Демонъ, даже не Цыганъ,
А просто гражданинъ столичный
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму;
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличной,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

Обѣ послѣднія строфи имѣютъ и черновне наброски:

Мнѣ скажутъ, можетъ быть: зачѣмъ
Ничтожнаго героя
Взялся я снова воспѣвать
. . . . Чтò за мода!
Не лучше ль, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ?...

*

Хоть человѣкъ онъ не военный,
Не Демонъ, даже не Цыганъ
А просто молодой чиновникъ,
Довольно смирный и простой
Лѣнивый тѣломъ и душой.

*

Хоть не похожъ онъ на Цыгана....
Не тигръ....

Не чернокнижникъ молодой,
Не Демонъ, даже не убійца,
Не бѣлокурый мизантропъ —
Гонитель дамъ и кровопійца, *
И не лунатикъ....
А малый добрый и простой....

НАБРОСКИ ОБЪ ЕЗЕРСКОМЪ.

1.

Онъ былъ затѣйливъ, не богатъ,
Собою бѣлокуръ, немного рябоватъ,
А впрочемъ гражданинъ столичный....

2.

Какъ всѣ онъ велъ себя не строго,
Какъ всѣ о деньгахъ думалъ много —
И Жуковскій курилъ табакъ,
Какъ всѣ носилъ мундирный фракъ.

3.

Онъ одѣвался нерадиво:
На немъ сидѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ;
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любилъ....
Мы будемъ звать его Евгеній,
За тѣмъ конечно, что языкъ
Ко звуку этому привыкъ.

4.

Но о прошедшемъ очень мало
Иванъ Езерскій помышлялъ;
Лишь настоящаго алкало
Въ немъ сердце....

КЪ ЗНАЧЕНІЮ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОДОВЪ.

Къ тому же — это подражанье
Поэту Байрону! Нашъ лордъ,
Какъ говоритъ о немъ преданье,
Не только былъ отмѣнно гордъ
Великимъ даромъ пѣснопѣнья,

* Зачеркнуто: «Не чалмоносный кровопійца».

Но я . . . . рожденья;
. . . . Ламартинъ,
Я слышалъ, также дворянинъ.... *
Гюго не знаю....
Въ Россіи же мы всѣ дворяне —
Всѣ, кромѣ двухъ иль трехъ: за то
Мы ихъ и ставимъ ни во что.
Угодно знать происхожденье,
Родъ, племя и года Евгенья?....

Мѣдный Всадникъ [стр. 356]. По первоначальной мысли поэта «Родословная» и «Мѣдный Всадникъ» должны были составлять одну поэму, но потомъ Пушкинъ, покинувъ первую половину ея, исключительно занялся только второю частью, такъ что «Родословная» отразилась въ «Мѣдномъ Всадникѣ» только легкими намеками. Поэма писалась въ Болдинѣ; начата 9-го и окончена 31 октября 1833 г., но напечатать ее поэтъ не могъ, по случаю ценэурнаго запрещенія [см. переписку съ Погодинымъ въ VII томѣ], и при жизни его въ печати явился только отрывокъ изъ «Вступленія» до словъ: «была ужасная пора», подъ заглавіемъ «Петербургъ», въ Библіотекѣ для Чтенія» 1834 г. т. VII. Только уже по смерти поэта «Мѣдный Всадникъ» былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 г., т. V, но съ пропусками и поправками Жуковскаго. Этотъ же текстъ явился въ посмертномъ и Анненковскомъ изданіи и за тѣмъ отчасти былъ возстановленъ г. Анненковымъ въ VII дополнительномъ томѣ, а потомъ Библіографическими Записками 1861 г.

Г. Анненковъ кромѣ того привелъ небольшое число варіантовъ изъ трехъ сохранившихся черновыхъ рукописей поэта, а въ минувшемъ году г. Бартеневъ въ «Русскомъ Архивѣ» [1881 кн. III] далъ полное описаніе этихъ рукописей и привелъ всѣ варіанты и пропуски. Вотъ подробное изложеніе его работы:

«Вступленіе» имѣетъ варіанты:

На берегу варяжскихъ волнъ
Стоялъ задумавшись глубоко... [стр. 356].
Отсель стеречь мы будемъ шведа.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зависть грознаго сосѣда... [стр. 357, ст. 4].

Въ описаніи Петербурга опущены два четверостишія:

Цвѣтные дротики улановъ,
Звукъ трубъ и грохотъ барабановъ;
Люблю на улицахъ твоихъ
Встрѣчать по утру взводы ихъ. [Стр. 359 ст. 2].

---

* Г. Бартеневъ прочелъ вмѣсто «дворянинъ» — дорожилъ.

Или крестить средь Невскихъ водъ,
Меньшаго брата русскій флотъ;
Или Нева весну пируетъ
И въ море мчитъ разбитый ледъ... [Стр. 359 ст. 8].

Далѣе было:

Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И колебать уже не будутъ
Гранитъ подножія Петра!
Была ужасная пора...
Но пусть объ ней воспоминанье
Живетъ въ моемъ повѣствованьи,
И будетъ пусть оно для васъ,
Друзья, вечерній лишь разсказъ,
А не зловѣщее преданье. [Стр. 359 ст. 15].
29 окт.

Первоначально же послѣдніе стихи были набросаны такъ:

Была ужасная година,
Объ ней начну простой разсказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ мрачное преданье,
Я далъ тогда же обѣщанье
Стихомъ....... передать.

Въ первой пѣснѣ при имени героя сначала было сказано: «Мое перо къ тому же дружно» [стр. 360 ст. 8] и измѣнены стихи:

Живетъ въ чуланѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о почіющей роднѣ... [Стр. 360 ст. 16—18].

Вмѣсто двухъ стиховъ о возвращеніи Евгенія домой, поэтъ началъ было подробный очеркъ, но оставилъ его совершенно не отдѣланнымъ:

Тогда по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ сѣней
Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей,
Въ то время кто-то съ видомъ строгимъ
Звонилъ у запертыхъ дверей.
Минуту ждалъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась. Онъ бранчиво
Вошелъ...
Лакею выговоръ прочелъ

И въ кабинетъ къ себѣ прошелъ.
Радостно залаялъ
Церберъ косматый
И положилъ ему на плечи
Свои двѣ лапы и потомъ
Улегся тихо подъ столомъ...
Раздѣлся, былъ онъ озабоченъ,
Какъ тотъ, у коего просроченъ

Просроченъ... конечно вексель: дѣло несчастному поэту обычное. [Ср. стр. 360 ст. 20].

Далѣе поэтъ выпустилъ мечтанія Евгенія наканунѣ роковаго дня [стр. 360 ст. 3, снизу].

Что врядъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получитъ, что рѣка
Все прибывала, что погода
Не унималась, что едва ль
Мостовъ не сымутъ, что̀ конечно
Парашѣ будетъ очень жаль...
Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ.
«Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ.
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшокъ
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать;
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба
И внуки насъ похоронятъ.»
Такъ онъ мечталъ...

Сначала эти стихи были набросаны такъ:

...Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался, какъ поэтъ:
«А почему жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
Я не богатъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
И у Параши нѣтъ имѣнья.

Ну, что жъ! Какое дѣло вамъ[1]
Ужели только богачамъ
Жениться можно? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ и т. д.

Первоначальное описаніе наводненія, не разъ исправленное, было такое [стр. 361 ст. 19]:

Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И мыломъ разъяренныхъ водъ...
Но бурнымъ моремъ[1] отъ залива
Уже гонимая Нева,
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова.
Она бродила и кипѣла[2]
И пуще, пуще свирѣпѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ какъ звѣрь остервенась,
Со всею силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Все побѣжало: воды вдругъ[3]
Завоевали все вокругъ.
Съ Невой слились ея каналы,
И захлебнулися подвалы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.
И страхъ, и смѣхъ! Какъ воры волны
Полѣзли въ окна. Съ ними челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой.
Помчали бѣшеныя волны
Мосты, снесенные грозой,[4]

---

[1] Потомъ было поправлено: «Но силой вѣтровъ».

[2] И пуще, пуще свирѣпѣла,
Приподымалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И наконецъ остервенясь....

[3] Вдругъ опустѣло.... Волны вдругъ
Вломились въ улицы, въ подвалы,
Съ Невой слились ея каналы.

[4] Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,

Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Запасы мелочной торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ;
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по городу.

Потомъ черезъ три стиха было набросано:

Тотъ самый годъ
Послѣднимъ годомъ былъ державства
Царя.
Соображалъ...
Что лѣта семьдесятъ седьмаго...
Вчера была ей годовщина...
Екатерина
Была жива, и Павлу сына
Въ тотъ годъ Всевышній даровалъ,
Порфиророднаго младенца...

Въ другомъ мѣстѣ повторено:

Тогда еще Екатерина
Была жива...
И гимнъ свой про тотъ день
Брянцалъ Державинъ...

Пушкину хотѣлось дать образчикъ и того, что происходило въ самихъ домахъ и онъ воспользовался ходившимъ слухомъ о сенаторѣ М. Толстомъ:

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
И видитъ — въ лодкѣ по Морской
Плыветъ военный губернаторъ...
Сенаторъ обмеръ: «Боже мой!
Сюда Ванюша! Встань немножко;
Гляди: что видишь ты въ окошко?»
— Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
Плыветъ въ ворота мимо будки.
«Ей-Богу?» — Точно-съ. «Кромѣ шутки?»
— Да такъ-съ. — Сенаторъ отдохнулъ
И чаю проситъ. «Слава Богу!
Ну, графъ, надѣлалъ мнѣ тревогу:
Я думалъ, я съ ума свихнулъ.»

Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!

Положеніе Евгенія во время наводненія было обрисовано такъ [стр. 364 ст. 2]:

И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто силой злой прикованъ,
Недвижно, къ мѣсту одному,
И нѣтъ возможности ему
Перелетѣть! Гроза пируетъ,
Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ;
Нева на площади бунтуетъ!
Несчастный молча негодуетъ,
И прямо передъ нимъ изъ водъ
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ безумной въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою.

Вторая часть начиналась [стр. 364 ст. 11]:

Но вотъ, насытясь возмущеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь разрушеньемъ,
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ломитъ, рѣжетъ,
И жжетъ и грабитъ; вопли, скрежетъ и т. д.

При этомъ послѣдній стихъ сначала читался: «Младенцы плачутъ; вопли, скрежетъ».

Далѣе было:

Евгеній смотритъ, видитъ лодку,
Неоцѣненную находку!
Сюда! онъ машетъ, онъ зоветъ... [Стр. 365 ст. 5].

*

Съ дворовъ
Свозили лодки и Хвостовъ,
Піитъ любимый небесами,
Воспѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ. [Стр. 366 ст. 4, снизу].

*

Недвижныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался. [Стр. 367 ст. 8].

*

Его стегали, по тому
Что было все ему дорогой
И дворъ, и улица, но онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ чудной, внутренней тревогой. [Стр 367 ст. 25].

Вотъ описаніе памятника [стр. 368 ст. 7, снизу]:

Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны ярыя носились,
Бунтуя злобно, вкругъ него;
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ гордою главой;
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Какъ грозенъ онъ стоитъ во мглѣ!
Какая сила на челѣ!
Какая дума въ немъ сокрыта!
А въ звѣрѣ семъ какой огонь!
Куда вскакалъ ты, мѣдный конь!
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный царь, о мужъ судьбы!
Не такъ ли ты уздой желѣзной,
На высотѣ, надъ самой бездной
Россію поднялъ на дыбы?...

Вмѣсто нынѣшняго чтенія соотвѣтствующихъ стиховъ въ текстѣ поэмы [стр. 369, ст. 9] г. Бартеневъ приводитъ еще варіантъ:

О мощный баловень судьбы!
Не такъ ли ты скакалъ надъ бездной,
И осадивъ уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы.

Далѣе было [стр. 369 ст. 15 снизу]:

Вскипѣла кровь. Онъ мрачно сталъ
Передъ великимъ истуканомъ,
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ.
«Ужо тебѣ!...» и вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что страшнаго царя,

Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось.
И онъ по площади пустой[1]
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье
Тяжело-мѣрное скаканье[2]
По потрясенной мостовой.
И видитъ — въ темнотѣ ночной,
Весь озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
Вдали несется всадникъ мѣдной
На тяжко скачущемъ конѣ.

Въ «Современникѣ», въ посмертномъ и Анненковскомъ изданіяхъ 28 стиховъ, помѣщенные на стр. 368—369, были замѣнены 15 стихами въ передѣлкѣ и съ добавками Жуковскаго:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдной головой
И съ распростертою рукой —
Какъ будто градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ...
По членамъ холодъ пробѣжалъ,
И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И перстъ свой на него поднявъ,[3]
Задумался... Но вдругъ стремглавъ... и пр.

Не смотря на теперешнія дополненія, пропускъ въ поэмѣ существуетъ еще и нынѣ, ибо мы имѣемъ только начало и конецъ рѣчи Евгенія,

---

[1] Въ Р. Архивѣ данъ невозможный стихъ:

«Къ нему. И онъ по площади пустой».

[2] Было: «Далеко-звонкое скаканье.»

[3] Г. Бартеневъ указываетъ Пушкинскій варіантъ:

И перстъ съ угрозою поднявъ,
Шепнулъ волнуемъ мыслью черной:
Добро, строитель и т. д.

тогда какъ она, по указанію кн. П. П. Вяземскаго, состояла изъ 40 стиховъ, и въ этомъ видѣ была списана у автора братомъ г-жи Россети. Не разъяснены также и недостатки риѳмующихъ стиховъ: «На городъ кинулась. Предъ нею» [стр. 361]. «И не нашелъ уже слѣдовъ» [стр. 366], «А спалъ на пристани. Питался» [стр. 367].

Анджело [стр. 371]—повѣсть эта, составляющая передѣлку Шекспировой драмы: «Мѣра за мѣру», напечатана въ «Новосельѣ» на 1834 годъ, съ опечаткою въ 3 стихѣ V-й строфы 3-й части: «остановилъ» вмѣсто «остановить», которая исправлена г. Анненковымъ, нашедшимъ рукопись «Анджело» въ тетрадяхъ поэта, принадлежащихъ къ 1833 г.—Посвятивъ половину своего примѣчанія къ поэмѣ обличенію указанной опечатки, почтенный издатель не промолвился однако: цензурою или авторомъ были исключены или даже были ли написаны тѣ $6^1/_2$ стиховъ поэмы, которые и въ прежнихъ, и въ его, и въ послѣднихъ изданіяхъ означаются точками. Теперь изъ прошенія Пушкина въ цензурный комитетъ, напечаннаго въ VII томѣ нынѣшняго изданія [стр. 292—293], ужъ видно, что стихи были написаны, но исключены по волѣ государя Николая Павловича. Къ сожалѣнію замѣтимъ, что рукопись, которою пользовался г. Анненковъ, не находится въ числѣ прочихъ, пожертвованныхъ сыномъ поэта въ Московскій Музей. Гдѣ же она?

Къ 1833 г. относится также черновой набросокъ стихотворенія «Съ толпой не дѣлишь ты,» помѣщенный нами въ примѣчаніяхъ къ IV тому [стр. 487] и два слѣдующіе отрывка:

1.

Французскихъ риѳмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Ужели все молчать, да слушать?... О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.

О вы, которые, возчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена...

2.

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной,
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,[1]
Кропая сильному вельможѣ мадригалы;
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики[2]... чѣмъ писаки
Подписку собирать на будущія враки.

1834.

Мицкевичъ [стр. 392] — напечатано въ IX томѣ посмертнаго изданія, съ заглавіемъ: М*, сохраненнымъ и у г. Анненкова, который, упомянувъ о несходствахъ печатнаго текста съ находившимся у него черновымъ оригиналомъ, къ сожалѣнію «несходствъ» этихъ не привелъ. Вотъ они:

Средь племени *враждебнаго*; *но злобы*
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, и *мы*....

—

Дѣлились мы и *чашей* и мечтами
И пѣснями [*онъ былъ изъ вдохновенныхъ*
И *глубоко* взиралъ на жизнь].

—

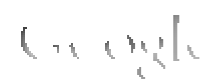
Онъ говорилъ о *времени грядущемъ*...

—

Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Мы проводили друга нашего.
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Проклятія намъ шлетъ и ядомъ наполетъ

---

[1] «Чѣмъ затѣвать журналы.»
[2] «Съ почтенной публики.»

Свои стихи въ угоду черни буйной.
Печально. Слышимъ издали его
И молимъ Бога, да прольетъ онъ кротость
Въ озлобленную душу...

Замѣтимъ, что г. Бартеневъ въ Р. Архивѣ [1881, I, 449] привелъ изъ этого только 6 стиховъ: «Мы жадно...» и пр., при чемъ два стиха прочиталъ неправильно такъ:

Проклятія намъ шлетъ и ядомъ
Свои стихи онъ напояетъ.

Къ Н* [стр. 393] — въ томъ-же изданіи, а откинутый авторомъ конецъ впервые сообщенъ въ изд. 1855 г. Въ одномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому сказано, что это стихотвореніе относится къ императору Николаю Павловичу, и написано по случаю поздняго выхода его на балъ въ Аничковскомъ дворцѣ, послѣ чтенія Иліады въ своемъ кабинетѣ [«Библ. Записки» 1859, № 10].

1835.

Изъ Горація [стр. 394] — въ «Сынѣ Отечества» 1840, т. 22, и оттуда въ IX томѣ посмертнаго изданія, гдѣ неправильно отнесено къ числу «лицейскихъ», при чемъ дано было и произвольное заглавіе: «Горацій», котораго нѣтъ въ рукописи. Это стихотвореніе, равно какъ и 10 слѣдующихъ за нимъ [стр. 395 — 398], было написано для одного изъ подготовительныхъ очерковъ къ «Египетскимъ ночамъ». Всѣ 10 отрывковъ найдены въ одномъ и томъ же пакетѣ, при разборѣ рукописей Пушкина, и напечатаны въ IX т. посмертнаго изданія, за исключеніемъ «LVI оды Анакреона» [стр. 396], впервые сообщенной въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, который затѣмъ въ VII томѣ своего изданія привелъ и два заключительные стиха къ отрывку: «Узнаемъ коней ретивыхъ» [стр. 395], опущенные посмертнымъ изданіемъ.

Полководецъ [стр. 398] — это стихотвореніе, написанное въ память Барклая-де-Толли, было напечатано Пушкинымъ безъ своего имени въ 3 томѣ «Современника» 1836 г. и вызвало нападки на поэта за униженіе будто бы памяти Кутузова, которому тогда еще приписывали всю славу изгнанія Наполеона изъ Россіи. Въ слѣдующемъ IV томѣ «Современника» Пушкинъ былъ вынужденъ помѣстить обширное «Объясненіе» въ свое оправданіе [см. т. V, отдѣлъ прозы нынѣшняго изданія]. Памятью объ этихъ недостойныхъ нападкахъ на поэта осталось и письмо его къ Гречу, отъ 13 октября 1836 г., напечатанное у насъ въ VII томѣ [стр. 148].—

Г. Анненковъ указывая, что рукопись была исправлена во многихъ мѣстахъ, привелъ только одно:

Полунощныхъ орловъ могучая станица!
Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другiе коихъ лица [стр. 399],—

и не указалъ: была ли дѣйствительно написана строфа, означенная точками [стр. 400], или же пропускъ сдѣланъ цензурою.

Теперь оказывается, что пропускъ сдѣланъ самимъ поэтомъ, ибо стихи остались недоконченными и зачеркнуты:

Вотще!...
Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
Во тьмѣ судьбы. А ты — оставленный, забытый,
Почилъ....
И можетъ быть въ....
воспомнилъ ты....

Самое стихотворенiе въ рукописи было озаглавлено: «Барклай-де-Толли»; изъ варiантовъ приводимъ еще одинъ: «Алмазный скиптръ не въ ней хранится за стекломъ.»

Туча [стр. 400] — въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835, май, кн. 2-я, и перепечатано безъ измѣненiй въ посмертномъ изданiи.

Пиръ Петра Перваго [стр. 401] — этимъ стихотворенiемъ открывалась первая книжка «Современника» 1836 г., и оно было подписано полнымъ именемъ поэта, какъ очень немногiя изъ собственныхъ стихотворенiй, помѣщенныхъ въ его журналѣ.

На выздоровленiе Лукулла [стр. 402]—это стихотворенiе, имѣвшее роковое значенiе въ судьбѣ поэта, было напечатано въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835, сентябрь, кн. 2-я, и не перепечатывалось до новаго появленiя въ «Библ. Запискахъ» 1858 г., № 12, но и за тѣмъ не было допущено въ изданiя сочиненiй Пушкина, до предпослѣдняго. Въ замѣткахъ Деларю, напечатанныхъ въ «Руск. Старинѣ» 1880 г. № 8, при указанiи истиннаго значенiя этой оды, ошибочно означено имя кн. Юсупова вмѣсто гр. Шереметева, извѣстнаго богача и родственника С. С. Уварова, который надѣялся, въ случаѣ смерти тогда опасно больнаго графа, наслѣдовать его огромныя богатства. Поводомъ къ написанiю оди Деларю указываетъ выговоръ Уварова Пушкину [съ напоминанiемъ даже о ссылкѣ] за эпиграмму на Дондукова-Корсакова, напечатанную нами въ VII т., на стр. 368, но едва ли это вѣрно, потому что непрiязненныя отношенiя между ними начались гораздо ранѣе. — Обиженный Уваровымъ, бывшiй казанскiй профессоръ Жобаръ перевелъ это стихотворенiе на французскiй языкъ и прислалъ Уварову, прося сообщить примѣчанiя и дозволить напечатать съ посвященiемъ ему. Это еще болѣе озлобило Уварова, такъ что онъ явно уже присоединился къ вра-

гамъ Пушкина, чему доказательствомъ служатъ сообщенные въ «Русской Старинѣ» отзывы, вызвавшіе исторію съ Репнинымъ, строгій выговоръ г. Краевскому за напечатаніе «Аквилона», какъ стихотворенія, написаннаго лицомъ, «состоящимъ подъ строжайшимъ надзоромъ тайной полиціи и человѣкомъ неблагонадежнымъ», требованія цензурованія стиховъ и статей Пушкина, не смотря на высочайшее разрѣшеніе безцензурнаго печатанія и, наконецъ, крайнее неудовольствіе за 10 строкъ «некролога», при чемъ г. Краевскому было передано: «Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія въ государственной службѣ?... Что за выраженія! «Солнце поэзіи!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего великаго поприща!» Какое это поприще?... развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ? Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки — не значитъ еще проходить великое поприще!...» и пр.

Посреди недописанныхъ стиховъ и набросковъ этого стихотворенія, г. Бартеневъ прочиталъ въ рукописи поэта:

Развратникъ радуясь клевещетъ,
Соблазнъ по городу гремитъ,
А онъ хохоча рукоплещетъ....

*

Ужъ онъ въ мечтаньяхъ заносился....
На откупъ рѣки отдавалъ,
Рубилъ наслѣдственныя рощи....

*

Жену обкрадывать не буду
И воровать ужъ позабуду
Казенныя дрова.

Къ этому г. Бартеневъ прибавилъ слѣдующія знаменательныя строки: «Современемъ подробно разъяснится вся эта исторія, въ которой виновенъ Пушкинъ своимъ неудержимымъ языкомъ, но еще виновнѣе передъ судомъ потомства его гонитель, который холопствовалъ передъ графомъ Бенкендорфомъ, и вмѣстѣ былъ главнымъ виновникомъ трагической гибели поэта».

«Вновь я посѣтилъ» [стр. 404] — напеч. въ «Современникѣ» 1837 г., т. V, а затѣмъ въ посм. изданіи подъ произвольными заглавіями—сначала: «Отрывокъ», а потомъ: «Опять на родинѣ», и съ отнесеніемъ къ числу «послѣднихъ трехъ стихотвореній Пушкина». Кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ стихотвореніе было напечатано съ пропусками, и съ посторонней передѣлкою Пушкинскихъ стиховъ. Оно возстановлено г. Анненковымъ по рукописи, и имъ же даны заключительные стихи: «Въ

разны годы» и пр. [стр. 406], опущенные въ первыхъ двухъ печатаніяхъ. Стихотвореніе это написано въ Михайловскомъ, куда Пушкинъ провожалъ изъ Петербурга, для погребенія въ святогорскомъ монастырѣ, тѣло скончавшейся матери.

Къ этому же году относится набросокъ Пушкина, по поводу картины К. П. Брюлова: «Послѣдній день Помпеи.» Вотъ что можно разобрать въ двухъ набросках рукописи:

Везувій зѣвъ открылъ—дымъ хлынулъ клубомъ; пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Земля волнуется . . . . съ колоннъ
Кумиры падаютъ! . . . . стонъ
. . . . народъ, гонимый страхомъ,
Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ прахомъ
Бѣжитъ изъ града вонъ . . . пожаръ блеща
Весь городъ освѣтилъ . . . народъ . . .

Въ другомъ наброскѣ еще можно разобрать только:

Столпы шатаются, съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ — Везувій зѣвъ отверзъ....
Содрогнулась земля, шатнулся градъ, и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя.

1836.

Д. В. Давыдову [стр. 407]—напечатано въ «Современникѣ» 1837 года т. V, и въ посмертномъ изданіи.—Г. Анненковымъ неправильно было отнесено въ 1834 г.

Художнику [стр. 407]—въ IX т. посмертнаго изданія, безъ означенія имени Гальберга. Онъ дѣлалъ бюстъ Пушкина, считающійся лучшимъ по сходству.

«Когда великое свершалось торжество» [стр. 408]—начальные стихи были впервые сообщены въ «Матеріалахъ» г. Анненкова; затѣмъ съ пропускомъ 6 стиховъ оно было напечатано въ «Современникѣ» 1857 г., № 12 и въ VII томѣ Анненковскаго изданія.

Подражаніе итальянскому [стр. 409]—въ IX томѣ посмертнаго изданія. Это переводъ сонета Франческо Джіани: Sopra Giuda.

Изъ VI Пиндемонте [стр. 409]—въ «Матеріалахъ» и въ VII т. изданія г. Анненкова, съ небольшими пропусками. Это оригинальное свое произведеніе Пушкинъ озаглавилъ въ рукописи сначала: «Изъ Alfred de Musset», а потомъ далъ нынѣшній заголовокъ.

Молитва [стр. 410] — въ «Современникѣ» 1837, т. V въ числѣ «трехъ послѣднихъ стихотвореній», и при этомъ же томѣ «Современника» былъ приложенъ автографическій снимокъ стиховъ, съ рисункомъ Пушкина.

«Когда за городомъ» [стр. 410] — сначала въ небольшомъ отрывкѣ сообщено въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, потомъ напечатано въ «Современникѣ» 1857 г., № 12 и въ VII томѣ изданія г. Анненкова, который въ I томѣ указалъ, что оно написано «14 августа» [стр. 422], а въ VII т. «14 марта» 1836 [стр. 48], и хотя послѣднее напечатано подъ самымъ стихотвореніемъ, но кажется первое указаніе вѣрнѣе.

Памятникъ [стр. 411] — въ IX томѣ посмертнаго изданія, съ произвольнымъ измѣненіемъ стиховъ, такъ что настоящій Пушкинскій текстъ явился только въ 1-й кн. «Русскаго Архива» 1881 г. Четвертая строфа была написана первоначально такъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу,
И милосердіе воспѣлъ.

Потомъ Пушкинъ поправилъ послѣдніе три стиха такимъ образомъ, какъ напечатано у насъ въ текстѣ, но прежде они печатались съ поправкой Жуковскаго, съ которой вошли и на памятникъ, воздвигнутый Пушкину въ Москвѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Жуковскому же принадлежитъ и печатавшаяся прежде поправка въ 4-мъ стихѣ 1-й строфы: «Наполеонова столпа.»

Отмѣтимъ и черновые варіанты рукописи поэта. Въ стр. 2-й ст. 1 и 2 имѣютъ помарки: «въ безсмертной лирѣ» и «Меня переживетъ». Въ 3-й стр., въ 1 и 4 ст. было: «Слухъ пройдетъ обо мнѣ», и «Тунгузъ и сынъ степей». Въ 5-й стр. ст. 1: «Призванью своему, о муза»....

На статуи [стр. 412]—стихи эти написаны по поводу двухъ статуй, бывшихъ на выставкѣ въ академіи художествъ, въ октябрѣ 1836 г., и тогда же были напечатаны въ «Художественной Газетѣ» Кукольника [№ 9 и 10], въ изданіе же сочиненій Пушкина внесены только въ 1870 г. съ рукописи Пименова.

19-е октября [стр. 413]—напечатано въ «Современникѣ» 1837 г., т. V, и въ посмертномъ изданіи. Придя на свой послѣдній лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ обычнаго годоваго сти-

хотворенія и самъ началъ читать его, но некончилъ и стихи были дочитаны однимъ изъ товарищей. Стихотвореніе такъ и осталось недописаннымъ; послѣдніе же четыре стиха Жуковскій при печатаніи замѣнилъ только двумя, съ своими поправками:

И новый царь, безстрашный и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ.

Послѣ этого Пушкинымъ не было написано ни одного стихотворенія, если не считать заключительнаго четверостишія въ шутливой пѣснѣ въ честь М. И. Глинки, котораго опера «Жизнь за Царя» появилась на сценѣ въ 1836 г. Сохранилась музыка этой пѣсни и куплеты, написанные, какъ говорятъ: 1-й Віельгорскимъ, 2-й кн. Вяземскимъ, 3-й Жуковскимъ и 4-й Пушкинымъ. Вотъ эта пѣсня или «Канонъ» въ честь Глинки:

Пой въ восторгѣ русскій хоръ,
Вышла новая новинка!
Веселися Русь, нашъ Глинка
Ужъ не глинка, а фарфоръ!

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея Глинку
Отъ Неглинной до Невы!

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стаканъ!

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь.

13 декабря 1836.

Мы не перепечатали внесенныхъ въ предпослѣднее изданіе стихотвореній: «Смотрю печально, молчаливо» и «Весь день отъявленный лѣнивецъ» [изъ «Русск. Рѣчи» 1861, № 95 и «Русск. Слова» 1861, № 5], «Я жизнь любилъ, когда полна» [изъ «Нашего Времени» 1860, № 3], «Тебѣ въ прощальныя мгновенья [изъ «Развлеченія» 1860, № 26] и «Къ Есакову» [изъ «Русской Бесѣды» 1859, № 3], потому что съименемъ Пушкина они были напечатаны безъ всякихъ основаній. При этомъ стихотвореніе «къ Есакову», какъ извѣстно было отъ самого автора, принадлежитъ Д. П. Ознобишину, а стихотвореніе: «Я жизнь любилъ», пер-

воначально помѣщенное еще въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. [№ 50, стр. 110] безъ всякой подписи, по отзыву кн. П. А. Вяземскаго, написано не Пушкинымъ. Точно также мы не помѣстили въ нашемъ изданіи стихотвореній, приписанныхъ Пушкину разными журналами и газетами тоже совершенно бездоказательно, какъ напр. «Происхожденіе лафита» [«Библ. Зап.» 1861]—написанное Вердеревскимъ, «Псковъ» [«Р. Архивъ»]—Панкратьевымъ, «Входя въ небесныя селенья» — П. А. Каратыгинымъ будто бы отъ вертящагося стола генералу Бахтину [«Р. Инвалидъ» 1859, № 8], три стихотворенія Шевырева о египтянкахъ [«Современникъ» 1861, № 1], и наконецъ чьи-то нелѣпыя вирши, напечатанныя Болеславомъ Маркевичемъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» 1880, № 10.

По поводу мнимыхъ же Пушкинскихъ стихотвореній мы замѣтили въ предыдущемъ изданіи, что В. Кеневичъ напечаталъ въ «Голосѣ» 1875 г., № 291, два такихъ стихотворенія безъ всякихъ указаній: какъ и откуда ихъ получилъ, съ подлинника или со списка ихъ печатаетъ и почему приписываетъ ихъ Пушкину. Все это онъ, съ полной авторитетностью, обѣщалъ разъяснить впослѣдствіи, но до своей смерти, въ теченіе пяти лѣтъ, не собрался этого сдѣлать. Мы отвергли поэтому оба стихотворенія, находя, что они «запутанны, непонятны и до того отличаются отъ Пушкинскихъ, что трудно допустить, чтобы великій поэтъ ими обмолвился». Вновь пересматривая старые журналы для нынѣшняго изданія, мы дѣйствительно встрѣтили сравнительно-лучшее изъ обоихъ стихотвореній: «Ропщущему»—въ «Атенеѣ» 1829 г., № 16, съ полною подписью плохаго стихотворца двадцатыхъ годовъ Лукьяна Якубовича, а за тѣмъ розыскали отдѣльно изданную въ 1837 г. книжку стихотвореній этого поэта, гдѣ оказалось перепечатаннымъ [на стр. 50] и мнимое Пушкинское: «Ропщущему.»

Мы не перепечатали также и въ нынѣшнемъ изданіи еще нѣкоторыя изъ стихотвореній, неосновательно приписанныхъ Пушкину, хотя ненапечатаніе ихъ въ предыдущемъ изданіи поставлено было намъ въ вину г. Чириковымъ, молодымъ рецензентомъ «Русскаго Архива»; но изъ указанныхъ имъ шести стихотвореній: «26 іюня 1822 г. Кишиневъ»—написано П. А. Каратыгинымъ, «Молитва» — Ѳ. Н. Глинкою, «По прочтеніи Байронова Каина» — И. П. Ключниковымъ, съ именемъ котораго еще недавно было перепечатано въ «Христоматіи» г. Гербеля; а изъ трехъ остальныхъ: «На выступленіе полковъ гвардіи» единично указано Пущинымъ, котораго авторитетъ можно признавать исключительно только для стиховъ лицейскаго времени; послѣднія же двѣ пьесы приписаны Пушкину тоже единичнымъ доносомъ безыменнаго шпіона генералу Скобелеву [«Р. Старина» 1871, № 12]. Вообще въ нашемъ изданіи изъ достовѣрно принадлежащихъ Пушкину стихотвореній не приведено только одно: «Насильно Зубову мила», хотя нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, стихотворенія явились по обстоятельствамъ не въ совершенной полнотѣ.

Мы едва не забыли упомянуть, что гр. Сальясъ, авторъ извѣстныхъ повѣстей и стодневный редакторъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, задумавъ издавать ежемѣсячный журналъ «Полярную Звѣзду», взялъ альманахъ Г—на, того же имени, и началъ перепечатывать оттуда всѣ помѣщенныя тамъ съ именемъ Пушкина стихотворенія. Онъ не замѣтилъ, что дѣйствительно Пушкинскія стихотворенія уже за полгода до того были перепечатаны въ I томѣ изданія Исакова и вновь перепечаталъ ихъ, какъ новость, съ разными приписанными Пушкину заграничнымъ издателемъ чужими произведеніями, какъ напр. Полежаевская «Исповѣдь стихотворца». Отъ себя графъ прибавилъ Пушкину всѣмъ извѣстное стихотвореніе А. И. Кронеберга, написанное въ 1846 г. на Булгарина, и тогда же напечатанное въ альманахѣ «Первое Апрѣля», Н. А. Некрасова: «Онъ у насъ осьмое чудо» и пр.

УКАЗАТЕЛЬ ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

А.

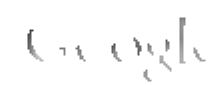
Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ТОМА.

Въ нихъ и въ подстрочныхъ выноскахъ стихи:

